

**АНДРЕЙ
ПЛАТОНОВ**

ЭФИРНЫЙ ТРАКТ

**ПОВЕСТИ 1920-Х
НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ**

**МОСКВА
2011**

ББК 84(0)5

ПЗ7

*Издательство благодарит
администрацию и губернатора Воронежской области
за содействие в издании книги*

Составитель

Н. В. Корниенко

Научный редактор

Н. М. Малыгина

Художник

В. Я. Калныньш

Платонов А. П.

ПЗ7 Эфирный тракт: Повести 1920-х — начала 1930-х годов /
Под ред. Н. М. Малыгиной. — М.: Время, 2011. — 560 с. —
(Собрание).

ISBN 978-5-9691-0617-8 (общий)

ISBN 978-5-9691-0615-4

В эту книгу вошли повести 1920-х — начала 1930-х годов «Эфирный тракт», «Елифанские шлюзы», «Город Градов», «Сокровенный человек», «Ямская слобода», «Впрок», «Ювенильное море», «Хлеб и чтение». Повесть «Хлеб и чтение» (реконструкция текста Н. В. Корниенко) публикуется впервые. Повести «Эфирный тракт» и «Город Градов», издававшиеся раньше в искаженном цензурой и редактурой виде, публикуются в авторской редакции.

© А. П. Платонов, наследники, 2011

© Состав, оформление, «Время», 2011

© Н. Малыгина, И. Матвеева, В. Лосев,
комментарии, 2011

© Н. М. Малыгина,

сопроводительная статья, 2011

ISBN 978-5-9691-0615-4

9 785969 106154

ЭФИРНЫЙ ТРАКТ

В бассейнах рек Верхнего Дона, Оки, Цны и Польного Воронежа приютились тихие земледельческие страны, населенные разнородными и даже разноречивыми племенами. Это неправда, что в этих равнинных и полулесных краях живет сплошной русский народ. Там живут потомки уставших диких странников — людей, в неукротимой страсти жизни искавших счастья на земном шаре, гонимых из дальних стран лихою природой и алчными повелителями.

Скифы, сарматы, булгары, скандинавы, черемисы, татары и даже иранцы и индусы отцовствовали над этими земледельцами, и у пахарей остались черты их отцов. Встречаются узкие глаза и скулы в откос — восток, и бывают серые и синие удивленные очи и овальное лицо — север и прохладное море.

И весь этот давно угомонившийся народ сеял теперь просо, ходил пешком, а не скакал на коне, и любил свой приют благодарной семейной любовью.

Посетивший эти посады в начале XX века германский ученый-ориенталист (востоковед) профессор Гаузер писал в отчете о своей командировке, выпущенном за границей, следующее: «происхождение расы, населяющей бассейны упомянутых рек, самое темное и запутанное. Ни язык, ни обычаи, ни памятники древности, — ничто не подтверждает единства расового корня, ничто не указывает на цельность линии поколений. Наоборот, следует принять, что страна заселялась и рассеивалась несколько раз, каждый раз оставляя редкие затерянные семьи.

Различные расы, таким образом, последовательно накладывали свое лицо на эту землю, рассеиваясь затем в пространствах пустынной Европы и затериваясь в темных прожитых веках. Все же отличительной чертой тех древних отцовских народов, поскольку эту черту можно уловить в потомках, является кротость нрава, мужественность сердца и неистребимая жажда свободы и материального благополучия.

Несомненно, черты предков сохранялись здесь на редкость. Только пылающее желание действовать, жить, ощущать и иметь — чем были наделены их забытые отцы —

теперь вошло в глубину природы этих людей и там живет в затененной форме и в прочном целостном составе.

Психологическое строение теперешних заселенцев можно очертить следующими образами и понятиями. Активность предков превратилась в мудрость потомков. Дикая воля стала цветущим сердцем, и воин обратился в пахаря. Исторически такое превращение психологических типов имело место, стало быть, может иметь место превращение этих типов и в обратном порядке: сердце созерцателя может стать волей дикого воина. Нужна лишь какая-то внешняя катастрофа, внешний толчок, — и психологические центры легко переместятся вновь...»

Профессор Гаузер писал эти строки в 1901 году и многое, может быть, напутал.

Михаил Кирпичников не особо разбирался в сочинении профессора и верил ему на слово: значит, я, по кровям, из тех, про каких написано. Но ни слово, ни копейка, ничто не поможет человеку, раз он начал метаться, раз он почувствовал духоту и тоску в своем сердце и мучение в своем растущем мозгу.

Поужинав, Кирпичников вышел за обтрепанный подол городка, за слободку Паршевку, и остановился в летнем вечернем поле, дымящемся влагой почвы. Невдалеке — весь городок был в кузове неширокой балки — стояла нарядная черепичная мастерская, где днем трудился Кирпичников.

Яростная дневная работа с поштучной оплатой выматывала все силы из тела Кирпичникова, зато по вечерам он предавался размышлению.

Был 1923 год. Кирпичников был хорошо грамотен, общителен и терпелив и все же почти не имел товарищей. В этом городке, предававшемся какому-то забвению жизни, скучно и гнусно давливались дни.

В самом деле — бессвязно, в огорожах, стояли дома, построенные из чего попало: из наворованных с железной дороги вагонных досок, из больших дровин, выловленных с реки во время сплава, из самана и прочих захоластных и случайных материалов. Домики стояли молча, были снабжены ставнями и в своих чуланах и тайниках хранили бочки, банки

и всякие иные сосуды с маринованной и соленой едой, уготованной впрок, на два года вперед. Жители, казалось, были напуганы какой-то недавней страшной катастрофой и скупко собирали крошки со стола в своем занавешенном глухом жилье. На дворе торжествовали собаки и ночью выли от сытости и отсутствия врага. Женщины города были красивы и молчаливы. Женщины человечнее мужчин; они, наверное, не любили ни мужей своих, ни этого скудного города, где у жизни не было никакого вопля.

Кирпичников сел на влажную траву и поднял голову, инстинктивно выгоняя из нее кровь, чтобы отдохнуть от липнущих мыслей.

В городке звонарь отбивал часы на колокольне церкви Петра и Павла, и колотушечник, старик, спрохвала постукивал.

Ночь шла медленно, шагая босыми ногами по леску сухих балок, шаря бесчувственными холодными руками в редком воздухе.

Прошел час, потом еще час. Тонко, болезненно, навстречу давящему пространству просвистел паровоз скорого поезда и, не останавливаясь, минул городок. Долго еще дребезжал поездной состав в скучных ночных полях и наконец сгинул и замутился в полевых перелогах.

Тогда Кирпичников встал и неожиданно догадался, что ему двадцать лет, что он живет случайно и вся эта история никогда не повторится. Неужели он зря растратит свои короткие годы и не ухватится мертвой хваткой за соломинку жизни? Неужели он проморгает такое сокровище и не поймет простого чуда жить? Но понять это чепуха, надо завоевать все это бесхозяйственное имущество, именуемое жизнью. Кирпичников поглядел на городское поселение и сразу обрадовался.

Вернувшись домой, Кирпичников поел каши, взял книжку и лег, привернув огонь в лампе. Книга могла развеять его заработанное внутренне счастье: Кирпичников положил книгу под подушку и дунул в лампу.

Сердце его учащенно билось, будто ожидая неминуемое и неизвестное событие, и сон у Кирпичникова пропал; он

вдруг затревожился, встал, прикрылся и вышел на двор. Но в городе было покойно, и старичок все постукивал в колоду, оправдывая свою службу.

— Чепуха, я молод, — подумал Кирпичников, — и поэтому волнуюсь. Молодые девушки тоже плачут без причины!

Утром в город Ржавск с дешевым поездом приехал Фаддей Кириллович Попов, доктор физики, автор ученого сочинения со странным названием «Сокрушение адова дна». Он остановился в номерах «Новый Афон», полтинник в сутки.

* * *

Проснувшись в 5 часов утра в своей московской квартире, Фаддей Кириллович почувствовал раздражение. Непотушенный свет горел в комнате, и где-то визжали толстые крысы.

Сон больше не придет. Фаддей Кириллович надел жилетку и уселся, раскачивая очумелый мозг. Он лег в час, еле добравшись до постели, и не вовремя проснулся.

— Ну-с, Фаддей Кириллович, нажмем снова, — сказал он самому себе, — микробы усталости могут успокоиться: я им пощады все равно не дам!

Он воткнул перо в чернильницу, вытянул дохлую муху и рассмеялся: это же, понимаете, мухоловка! И у меня все так, желтые граждане, — перо тычет, а не скользит, чернила — вода, бумага — рогожа! Это удивительно, господа!..

Фаддей Кириллович всегда представлял свою комнату населенную немymi, но внимательными собеседниками. Мало того, он тихие вещи безрассудно принимал за живые существа, и притом похожие на самого себя.

Раз, мрачно утомившись, он обмакнул в чернила перо, положил его на недописанный лист бумаги и сказал: заканчивай, заноза! А сам лег спать.

Одиночество, заглушенность души, сырость и полутьма квартиры превратили Фаддея Кирилловича в пожилого незначительного субъекта с житейски неразвитым мозгом.

Работал Фаддей Кириллович всегда бормоча, вслух перебирая возможные варианты стиля и содержания излагаемого.

Крысы утихли, потому что Фаддей Кириллович действительно забормотал:

— Поспешим, Фаддей! Поспешим, сатана души моей!.. Несомненно одно, что... что как только почва даст вместо сорока пятьсот пудов на десятину и что... если железо начнет размножаться, то... эти, как их, женщины и ихние мужья сразу возьмут и нарожают столько людей, что не хватит опять ни хлеба, ни железа и настанет бедность... А знаешь, Фаддей Кириллович, был такой рыжий англичанин по фамилии Мальтус... — Фаддей Кириллович, однако, писал совсем не то, что говорил; сказав «Мальтус», он написал «электрон» и приставил к нему премудрый греческий значок. ... — Так вот, Мальтус, тому же самому юношей обучал, не размножайтесь, дескать, а юноши, возмужав, взяли себе прекрасных жен, народили детей и благословили жизнь и размножение, объявив войну нужде... Эти юноши храбрее тебя, Фаддей, они признали детей важнее и сильнее бедности! Юноши убеждены, что землю можно сделать плодоносней своих жен... Посмотрим!.. Чудак, Фаддей, ты сам всю жизнь работаешь для этих юношей — нечего брыкаться тебе. Всякий думает, что воздух в бесконечность накачивает, и им она держится. Слишком глуповатая самоуверенность! Достаточно, если после усилий твоей жизни у каждого человека прибавится по кубическому миллиметру красных шариков в крови, и только... Довольно бормотать, ты мне мешаешь, дурак!..

Выругав этак себя, Фаддей Кириллович притих и усердно занялся работой, выводя аккуратные значки, как на уроке чистописания.

Москва проснулась и завизжала трамваями. Изредка вольтовы дуги озаряли туман, потому что токособиратели иногда отскакивали от провода.

— Идиоты! — не выдержал Фаддей Кириллович. — До сих пор не могут поставить рациональных токособирателей: жгут провод, тратят энергию и нервируют прохожих!..

Когда окончательно рассеялся туман и засиял неожиданный торжественный день, Фаддей Кириллович протер слезившиеся глаза и начал в злостном исступлении драть ногтями поясницу:

— Какая-то стерва вторые сутки грызет! Только успокойсь, а уж какая-нибудь болячка появится! И вечно трудно человеку!..

В это время к Фаддею Кирилловичу постучали: Мокрида Захаровна, старушка, принесла Попову завтрак и пришла убирать комнату.

— Ну, как, Захаровна? Ничего там не случилось? Люди не вымерли? Светопреставление не началось еще? Погляди, спина у меня назади?..

— И что ты, батюшка, Фаддей Кириллович, говоришь? Опомнись, батюшка, — такого не бывает! Сидит-сидит, учится-учится — переучится, — и начинает ум за разуменье заходить! Поешь, голубчик, отдохни, ан и сердце отойдет, и дума утихнет...

— Да, Захарьевна, да, Мокрида! Да, да, да! И трижды кряду — да! И еще раз — да!.. Ну, давай твою вкусную еду. Будем разводить гнилостные бактерии в двенадцатиперстной кишке, пускай живут в тесноте!.. А ты, старушка, ступай! Мне некогда, за кастрюлями придешь вечером, тогда и комнату уберешь. Вечером я уеду.

— Ох, батюшка, Фаддей Кириллович, дуже ты чуден да привередлив стал, замучил старуху!.. Когда ожидать-то вас?

— Не жди, ступай, считай меня усопшим!

Спешно поев, Фаддей Кириллович закурил и вдруг вскочил, — живой, стремительный и веселый.

— Ага, вот где ты пряталось, сучество, скотоложество и супрематия! Вылазь, божья куколка! Дыши, мое чучелко! Живи, моя дочка! Танцуй, Фаддей, крутись, Гаврила, колесо налево, оттормаживай историю! Эх, моя молодость! Да здравствуют дети, невесты и влажные красные жадные губы! Долой Мальгуса и госпланы деторождения! Да здравствует геометрическая и гомерическая прогрессия жизни!..

Тут Фаддей Кириллович остановился и сказал:

— Пожилой субъект ты, Фаддей, а дурак! Еле догадался, а уж благодетельствовать собираешься, самолюбивая сволочь! Садись к столу, сгною тебя работой, паршивый выродок!

Усевшись, Фаддей Кириллович, однако, почувствовал страшную пустоту в мозгу, будто там ливни работы смыли всю плодородную почву и нечем было питаться зелени его творчества.

Тогда он начал писать частное письмо:

Профессору Штауферу, Вена.

Знаменитый коллега! Вы уже, без сомнения, забыли меня, который был Вашим учеником двадцать один год тому назад. Помните ли Вы звонкую майскую венскую ночь, когда в самом чутком воздухе была жажда научного творчества, когда мир открывался перед нами, как молодость и загадка! Помните, мы шли вчетвером по Националштрассе — Вы, два венца и я, русский, рыжеватый любопытствующий молодой человек! Помните, Вы сказали, что жизнь, в физиологическом смысле, наиболее общий признак всей протрупуываемой наукой вселенной. Я, по молодости, попросил разъяснений. Вы охотно ответили: атом, как известно, колония электронов, а электрон есть не только физическая категория, но также и биологическая — электрон суть микроб, то есть живое тело, и пусть целая пучина отделяет его от такого животного, как человек: принципиально это одно и то же! Я не забыл Ваших слов. Да и Вы не забыли: я читал Ваш труд, вышедший в этом году в Берлине, «Система Менделеева как биологические категории альфа-сущств». В этом блестящем труде Вы впервые, осторожно, истинно научно, но уверенно доказали, что электроны подарены жизнью, что они движутся, живут и размножаются, что их изучение отныне изъемяется из физики и передается биологической дисциплине. Коллега и учитель! Я не спал три ночи после чтения Вашего труда! У Вас есть в книге фраза: «Дело техников теперь разводить железо, золото и уголь, как скотоводы разводят свиней». Я не знаю, освоена ли кем эта мысль так, как она освоена мной! Позвольте же, коллега, попросить у Вас разрешения посвятить Вашему имени свой скромный труд, всецело основанный на Ваших блестящих теоретических изысканиях и гениальных экспериментах.

*Д-р Фаддей Попов,
Москва, СССР.*

Запечатав в конверт письмо и рукопись под несколько ненаучным названием «Сокрушитель адова дна», Фаддей Кириллович спешно утрамбовал чемодан книжками и отрывками рукописей, схематически бессознательно надел пальто и вышел на улицу.

В городе сиял электричеством ранний вечер. Веселые улицы дышали озабоченностью, трудным напряжением, сложной культурой и скрытым легкомыслием.

Фаддей Кириллович влез в таксомотор и объявил шоферу маршрут на далекий вокзал.

На вокзале Фаддей Кириллович купил билет до станции Ржавск. А утром он уже был на месте своего стремления.

От вокзала до города Ржавска было три версты. Фаддей Кириллович прошел их пешком: он любил русскую мертвую созерцательную природу, любил месяц октябрь, когда все неопределенно и странно, как в сочельник накануне всемирной геологической катастрофы.

Очевидно, Фаддей Кириллович не особенно уважал людей. Это доказывала биография его юности: когда, в ответ на любовь, любимая девушка сказала ему — мне нужен не наставник, а муж — живой, любимый и мой, а вы слишком умозрительны и дисциплинированы, а любовь — стихия, и, может быть, гибель! Тогда, подоженный жестоким горем, Фаддей Кириллович вышел в поле, лег в траву, взял в руки травинку и спросил ее: ну что, трудно тебе живется? И тут же ее успокоил: чепуха, не волнуйся — мир так велик и глубок, что терпи из одного любопытства; любопытство сильнее твоих и моих страданий, сильнее самой мучительной жизни!

И таковым образом — из простого определения размеров, глубины, новизны и многообразия мира, из простого общения с жалкой, замученной ветром и сухой почвой травинкой, — Фаддей Кириллович дал покой сердцу и любовное горе его стало зарастать, а впоследствии стало далеким, милым и смешным, как детская надежда.

Идя уже по улицам Ржавска, Фаддей Кириллович читал странные надписи на заборах и воротах, исполненные по трафарету: «тара», «брутто», «Ю. З.», «болен», «на дорогу собств.», «тормоз не действ.». Оказывается, городок строился железнодорожниками из материалов, принесенных с работы.

Наконец Фаддей Кириллович увидел надпись «Новый Афон». Сначала он подумал, что это кусок обшивки классного вагона, потом увидел вырезанный из бумаги и наклеенный на окне чайник, заурядную личность в армяке, босиком

вышедшую на двор по ясной нужде, и догадался, что это гостиница.

— Свободные номера есть? — спросил босого человека Фаддей Кириллович.

— В наличности, гражданин, в полной чистоплотности, в уюте и тепле!

— Цена?

— Рублик, рубль двадцать и пятьдесят копеек!

— Давай за полтинник!

— Пожалуйста, на верх!

Проходя, Фаддей Кириллович заметил на том столе, где дежурил этот человек, книжку «Парь пар в мае — будешь с урожаем».

«Народ движется, — подумал Попов, — Петрушка у Гоголя Часослов читал, и то из любопытства, а не впрок».

* * *

В полдень Фаддей Кириллович пошел в окружной исполком. Он попросил у председателя свидания, причем переговорить желательно вдвоем.

Председатель его тотчас же принял. Это был молодой слесарь — обыкновенное лицо, любознательные глаза, острая жажда организации всего уездного человечества, за что ему не раз объявлялись укоризны от облисполкома. У председателя были замечательные руки — маленькие, несмотря на его бывшую профессию, с длинными умными пальцами, постоянно шевелящимися в нетерпении, тревоге и нервном зуде. Лицом он был спокоен всегда, но руки его отвечали на все внешние впечатления.

Узнав, что с ним желает говорить доктор физических наук, он удивился, грубо обрадовался и велел секретарю сейчас же открыть дверь, досрочно выпроводив завсемотделом, пришедшего с докладом о посеве какой-то клещевины.

Фаддей Кириллович показал председателю бумаги научных институтов и секций Госплана, рекомендующих его как научного работника, и приступил к делу:

— Мое дело просто и не нуждается в доказательствах. Моя просьба обоснованна и убедительна и не может быть

отвергнута. Пять лет назад в вашем округе производились большие изыскания на магнитную железную руду. Вам это известно. Она обнаружена на средней глубине двести метров. Руду с такой глубины добывать пока экономически не выгодно. Она поэтому оставлена в покое. Я приехал сюда произвести некоторые опыты. Мне не нужно ни сотрудников, ни денег. Я только ставлю вас в известность и прошу отвести мне двадцать десятин земли — можно и неудобной. Район я еще не выбрал — об этом после, когда я вернусь из поездки по округу. Далее — чтобы вы знали, что я приехал сюда не шутить, я скажу вам: работы мои имеют целью, так сказать, подкормить руду — для того, чтобы она разжирела и сама выперла на дневную поверхность земли, где мы ее можем схватить голыми руками. В исходе опытов я уверен, но пока прошу молчать. Через три дня я выберу район и вернусь к вам. Вы поняли меня и согласны мне помочь?

— Понял совершенно. Держите руку, работайте — мы вам помощники!

Фаддей Кириллович от удовольствия не выдержал:

— Вы — понимающий человек. Спасибо! Но зачем эти хоругви? Вам нужна железная руда, а не религия.

— Это, профессор, наверно, не ваша область! Поверьте на слово: в наше время это так же нужно, как и железная руда. Берусь вам доказать в свободный вечер, что без этих «хоругвей» никак нельзя теперь добыть руды!..

— Возможно, допускаю, но сомневаюсь, очень сомневаюсь! До свидания!

— Не сомневайтесь. Я же верю в ваше воспитание руды, заплатите мне тем же. Всего лучшего!

В тот же день Фаддей Кириллович на подводе выехал в поле — отыскать условную высотную отметку экспедиции академика Лазарева, в районе которой магнитный железняк высовывает язык и лежит на глубине ста семидесяти метров. На вторые сутки Попов нашел на бровке глухого дикого оврага чугунный столб с условной краткой надписью: «Э. М. А. 38, 24, 168, 46, 22».

Через неделю Фаддей Кириллович прибыл на это место с землемером, который должен отмежевать участок в двадцать десятин, и Михаилом Кирпичниковым.

Кирпичникова рекомендовал Фаддею Кирилловичу председатель окрисполкома как совершенно идеологически выдержанного человека, а Попов увидел, что без помощника ему не обойтись, а что помощником будет идеолог — тем лучше, — значит, он идиот.

Через три дня Попов и Кирпичников привезли из деревни Тыновки, что в десяти верстах, разобрannую хатку и собрали ее на новом месте.

— Сколько мы здесь проживем, Фаддей Кириллович? — спросил Кирпичников Попова.

— Не менее пяти лет, дорогой друг, а скорее — лет десять. Это тебя не касается. Вообще не спрашивай меня, можешь каждое воскресенье уходить и радоваться в своем клубе...

И пошли беспримерные дни. Кирпичников работал по двенадцати часов в сутки: покончив дела со сборкой дома, он начал рыть шахту на дне балки. Попов работал не меньше его и умело владел топором и лопатой, даром что доктор физических наук. Так, в глубине равнинной глухой страны, где жили пахари — потомки смелых бродяг земного шара, трудились два чужих человека: один для ясной и точной цели, другой в поисках пропитания, постепенно стараясь узнать от ученого то, чего сам искал, — как случайную нечаянную жизнь человека превратить в вечное господство над чудом вселенной.

Попов молчал постоянно. Иногда он уходил на целый день в грязные ноябрьские поля. Раз Кирпичников слышал вдали его голос — живой, поющий и полный веселой энергии. Но возвратился Попов мрачный.

В начале декабря Попов послал Кирпичникова в областной город — купить по списку книг и всяких электрических принадлежностей, приборов и инструментов.

Через неделю Кирпичников возвратился, и Фаддей Кириллович начал делать какой-то небольшой сложный прибор.

Один только раз, поздно ночью, когда Кирпичников доливал керосин в лампу, Попов обратился к нему:

— Слушай, мне скучно, Кирпичников! Скажи-ка мне, кто ты такой, есть у тебя невеста, цель жизни, тоска, что-нибудь такое? Или ты только антропоид?

Кирпичников сдержался:

— Нет, Фаддей Кириллович! Ничего у меня нет, а хочу понять дело, которое делаете вы, но вы не говорите: это зря, я бы еще лучше работал. Я пойму, Фаддей Кириллович, честное слово!

— Оставь, оставь, ничего ты не поймешь! Ну, довольно, наговорились, ложись спать, а я посижу еще...

* * *

Фаддей Кириллович отправился в свою очередную прогулку — теперь уже по замерзающим недышащим полям. Кирпичников тесал на дворе сруб для укрепления шахты и вошел в хату за спичкой — закурить.

Подойдя к столу, он прочитал несколько слов из того, что писал Попов ночью, и, не зажегши спички, потерял все окружающее и забыл свое имя и существование.

Коллега и учитель! К 8-й главе той рукописи, которую я Вам выслал для просмотра, необходимо сделать добавление:

«Из всего сказанного о природе эфира следует сделать неизбежные выводы. — Если электрон есть микроб, то есть биологический феномен, то эфир (то, что я назвал выше «генеральным телом») есть кладбище электронов. Эфир есть механическая масса умерщвленных или умерших электронов. Эфир — это крошево трупов микробов-электронов. С другой стороны, эфир не только кладбище электронов, но также мать их жизни, так как мертвые электроны служат единственной пищей электронам живым. Электроны едят трупы своих предков.

Несовпадение длительности жизни электрона и человека делает необычайно трудным наблюдение за жизнью этих, пользуясь Вашей терминологией, альфа-существ. Именно, время жизни электронов должно исчисляться цифрой пятьдесят-сто тысяч земных лет, то есть значительно продолжительней жизни человека. Между тем число физиологических процессов в теле

электрона, как у более примитивного существа, значительно меньше, чем у человека — высокоорганизованного тела. Следовательно, каждый физиологический процесс в организме электрона протекает с такой ужасающей медленностью, что устраняет возможность непосредственного наблюдения этого процесса даже в самый чувствительный прибор. Это обстоятельство делает природу в глазах человека мертвой. Это страшное разнообразие времен жизни для различных категорий существ суть причина трагедии природы. Одно существо век чувствует как целую эру, другое — как миг. Это «множество времен» — самая толстая и несокрушимая стена меж живыми, которую с трудом начинает разрушать тяжелая артиллерия человеческой науки. Наука объективно играет роль морального фактора: трагедию жизни она превращает в лирику, потому что сближает в братстве принципиального единства жизни такие существа, как человек и электрон.

Но все же можно ускорить жизнь электрона, если смягчить те явления, которые обусловили длительность его жизни. Необходимо предварительное разъяснение — эфир, как установлено наукой, необычайно инертная, не реагирующая, лишенная основных свойств материи сфера. Такая неощутимость и экспериментальная непознаваемость эфира объясняется тем, что «подобное познается подобным», а нет большего неподобия, чем человек и залежи трупов электронов, то есть эфир. Может быть, именно поэтому эфир «лишен» свойств материи, ибо между человеком и живым микробом-электроном — с одной стороны, и эфиром — с другой, есть принципиальное различие. Первые — живы, второй — мертв. Я хочу сказать, что «непознаваемость» эфира скорее психологическая, чем физическая задача.

Эфир, на правах «кладбища», не обладает никакой внутренней активностью. Поэтому те существа (микробы-электроны), которые им питаются, обречены на вечный голод. Питание их обеспечивается подгонкой свежих эфирных масс за счет посторонних случайных сил. В этом причина замедленности жизни электронов. Интенсивная жизнь для них невозможна: слишком замедлен приток питательных веществ. Это и вызвало замедление физиологических процессов в телах электронов.

Очевидно, ускорение подачи питания должно увеличить темп жизни электронов и вызвать их усиленное размножение. Существующая замедленность физиологических актов легко превратится, при благоприятных условиях питания, в бешеный темп,

ибо электрон — существо примитивно организованное и биологические реформы в нем чрезвычайно легки.

Следовательно, одно изменение условий питания должно вызвать такую интенсивность всех жизненных отправлений электрона (в том числе и размножение), что жизнь этих существ станет легко наблюдаемой. Конечно, такая интенсивность жизни будет идти за счет сокращения продолжительности жизни электрона.

Вся загадка в том, чтобы уменьшить разницу во времени жизни человека и электрона. Тогда электрон начнет продуцировать с такой силой, что его сможет эксплуатировать человек.

Но как вызвать свободный и усиленный приток питательного эфира к электронам? Как технически создать эфирный тракт — дорогу эфиру?..

Решение просто — электромагнитное русло...

На этом рукопись Попова обрывалась. Он ее еще не закончил. Кирпичников слова не все понял, но всю сокровенную идею Попова ухватил.

Фаддей Кириллович вернулся поздно. Тотчас же он лег спать, чего никогда не было. Кирпичников посидел еще немного, почитал книжку — «Об устройстве шахтных колодцев» — и ничего в ней не понял.

Есть мысли, которые сами собой ведут человека и командуют его головой, хочет он этого или нет — все едино. Спать еще не хотелось. Было душно и тревожно. Попов храпел и стонал во сне.

Кирпичников вынул из сундучка свой старый дневник — самодельно сшитую тетрадь, открыл и вчитался:

Март. 20. 9 часов вечера. Мать и дети спят на полу на старой одежде. Нечем даже укрыться. У матери оголилась худая нога — и мне жалко, стыдно и мучительно. Захарушке 11 месяцев, его отняли от груди и питают одной моченой булкой. Какая сволочь жизнь! А может, это я сволочь, что до сих пор не свернул скулу такой подлой жизни? Зачем я позволяю ей так мучать детей и мать... Надо жить для тех, кто делает будущее, кто томится сейчас тяжестью грузных мыслей, кто сам весь — будущее, темп и устремление. Таких мало, они затеряны, таких, может быть, нет. Но я для них живу и буду жить, а не для тех, кто гасит жизнь в себе чувственной страстью и душу держит на нуле.

Кирпичников вышел на двор, ухватил бревно и зашвырнул его в лог, как палку. Потом заскрипел зубами, застонал, вонзил топор в порог и улыбнулся. На дворе стояло одно дерево — лоза. Кирпичников подошел, обнял дерево — и их качало обоих ночным ветром.

* * *

Когда ели утром жареный картофель, Фаддей Кириллович вдруг бросил есть и встал, веселый, полный надежды и хищно радостный.

— Эх, земля! Не будь мне домом — несись кораблем небес!

В смешном исступлении крикнул Попов эти неожиданные слова и сам оторопел.

— Кирпичников! — обратился Фаддей Кириллович, — скажи: ты вошь, ублюдок или — мореплаватель? Ответь, обыватель, на корабле мы или в хате? Ага, на корабле — тогда держи руль свинцовыми руками и не плачь на завалинке! Замолчи, сверчок! Мне известен курс и местоположение... Жуй и — на вахту!..

Кирпичников молчал. Попов болел малярией, бормотал во сне несбыточное, днем лютая злость в нем мгновенно переходила в смех. Работа головы высасывала из него всю кровь, и его истощенное тело вышло из равновесия и легко колебалось настроениями. Кирпичников это знал и смутно беспокоился за него.

Одиночество, затерянность в несчетных полях и устремленность к одной цели еще более расшатали душевный порядок Попова, и с ним было тяжело работать. У Фаддея Кирилловича явилась еще страшная и неутомимая тоска по матери, хотя она умерла пятнадцать лет назад. Он ходил по комнате, вспоминал ее обувь в гробу, запах подола и молока, нежность глаз и всю милую детскую родину ее тела... Кирпичников догадывался, что это особая болезнь Попова, но поделаться ничего не мог и молчал.

Так прошел месяц или два. Фаддей Кириллович работал все меньше и меньше, наконец 25-го января он совсем не поднялся утром и только сказал:

— Кирпичников! Вычисти хату и убирайся вон — я задумался!

Устроив домашние дела, Кирпичников вышел.

Степь пылила снегом — шла вьюга.

Кирпичников спустился в овраг и закрыл люк над шахтой, где Попов уже начал делать установку приборов. Вьюга свирепела — и на дворе от нее шевелился инвентарь. Деваться было некуда, и Кирпичников залез на тесный захламленный чердак. Снег свиристел и метался по крыше, и вдруг Кирпичникову послышалась тихая, странная, грустная музыка, которую он слышал где-то очень давно. Отвлеченное плачущее чувство томилось и разрасталось от музыки до гибели человека. И будто эта растущая тоска и воспоминания были единственным утешением человека. Кирпичников прилег и занемог от этого нового робкого чувства, которого в нем никогда не было. Он забыл про стужу и, дрожа, нечаянно заснул.

Музыка продолжалась и переходила в сновидение. Кирпичников почувствовал вдруг холодную тяжелую медленную волну, и в нем начало закатываться сознание, борясь и пробуждаясь, уставая от ужаса и собственной тесноты.

Проснулся Кирпичников сразу, будто кто ему крикнул на ухо или земля на что наткнулась и вдруг застопорила. Кирпичников вскочил, стукнулся о крышу и спустился во двор. Буран тряс землю, и, когда он разрывал атмосферу и показывал горизонт, были видны голые почерневшие поля. Снег сдувало в овраги и в глухие долины. Тут Кирпичников заметил, что дверь в хату открыта и туда мело снегом. Когда он вошел в комнату, то заметил бугор снега, и прямо на нем, а не на кровати, лежал мертвый Фаддей Кириллович Попов — бородой кверху, в знакомой жилетке, прильнувшей к старому телу, с печальным пространством на белом лбу. Снег его заметал все глубже, и ноги уже укрыло совсем.

Кирпичников, в полном спокойствии, схватил его под мышки и потащил на кровать. У Фаддея Кирилловича отвалилась нижняя губа, и он сам повернулся на бок на кровати и поник головой, ища места ближе к центру земли. Кирпичников затворил дверь и разгреб снег на полу. Он нашел

пузырек с недопитым розовым ядом. Кирпичников вылил остаток яда на снег — и снег зашипел, исчез газом, и яд начал проедать пол.

На столе, утвержденная чернильницей, лежала неоконченная рукопись: «Решение просто — электромагнитное русло...»

* * *

— Вы коммунист, товарищ Кирпичников? — спросил председатель окружного исполкома.

— Кандидат.

— Все равно. Расскажите, как это случилось? Вы понимаете, что это очень скверная история — не потому, что придется отвечать, а потому, что погиб очень ценный и редкий человек. Записки никакой не нашли?

— Нет.

— Ну, рассказывайте.

Кирпичников рассказал. В кабинете сидели, кроме председателя, еще секретарь комитета партии и уполномоченный ГПУ.

Кирпичникова слушали внимательно. Он рассказал все, даже содержание неоконченной рукописи, вьюгу, распахнутую дверь и странный косой наклон головы Попова, какого не бывает у живого. И еще, что Попов не очень отличался от живого, как будто смерть обыкновенна для него, как и еда.

Кирпичников кончил.

— Замечательная история! — сказал секретарь парткома. — Попов несомненный упадочник. Совершенно разложившийся субъект. В нем действовал, конечно, гений, но эпоха, родившая Попова, обрекла его на раннюю гибель, и гений его не нашел себе практического приложения. Растрепанные нервы, декадентская душа, метафизическая философия — все это жило в противоречии с научным гением Попова, и вот — какой конец.

— Да, — сказал председатель исполкома. — Прямо агитация фактами. Наука могущественна, а носители ее — вырожденки и ублюдки. Действительно, срочно необходимы свежие люди с твердой внутренней установкой...

— А ты только сейчас в этом убедился? — спросил уполномоченный ГПУ. — Чудород ты, брат! Наше дело, по моему, теперь оформить следствие и затем, если не будет ничего противоречить словам Кирпичникова, назначить его хранителем научной базы Попова. Ну, надо немножко Кирпичникову платить за это. Ты, — обратился он к председателю, — из местного бюджета это устроишь! Затем, надо сообщить в тот научный институт, который командировал сюда Попова, чтобы выслали другого ученого для продолжения дела... А сохранить все надо в целости! Я пошлю сотрудника составить опись. Ведь там есть ценные приборы, рукописи Попова, кой-какой инвентарь и имущество...

— Верно, — сказал председатель. — Давайте на этом кончим. Я проведу все дело через президиум, и тогда зафиксируем наше постановление.

Через неделю закончили следствие, труп Попова отправили в Москву, а Кирпичникова назначили сторожем в научную усадьбу Попова, с окладом жалования пятнадцать рублей в месяц.

Кирпичникову вручили копию описи, и он остался один.

Начиналась ранняя заунывная весна — время инерции зимы и мужественного напора солнца.

Заместитель Попова никак не ехал. Кирпичников усердно читал и перечитывал книги и рукописи Попова, рассматривал приборы, построенные здесь же самим Поповым, — и перед ним открывался могучий мир знаний, власти и жажды неутомимой жестокой жизни. Кирпичников начал ощущать вкус жизни и увидел ее дикую пучину, где скрыто удовлетворение всех желаний и находятся конечные пункты всех целей.

— Эх, хорошо! — думал Кирпичников. — Зря умер Попов: сам это писал и сам же не понимал. А стоит только понять — и всякому захочется жить...

Наступило лето. Шло одно и то же. Новый ученый на место Попова не приезжал. Кирпичников начал переписывать рукописи Фаддея Кирилловича начисто, не зная сам для чего, — но так лучше ему понималось.

Наконец в июле приехали двое московских ученых и забрали все наследство Попова — и рукописи, и аппараты.

Кирпичников вернулся работать в черепичную мастерскую, и все кругом для него затихло. Но открывшееся ему чудо человеческой головы сбило его с такта жизни. Он увидел, что существует вещь, посредством которой можно преобразовать и звездный путь, и собственное беспокойное сердце — и дать всем хлеб в рот, счастье в грудь и мудрость в мозг. И вся жизнь предстала ему как каменное сопротивление его лучшему желанию, но он знал, что это сопротивление может стать полем его победы, если воспитать в себе жажду знания, как кровную страсть.

Кирпичников пошел к председателю исполкома и заявил, что хочет учиться — пусть его отправят на рабфак.

— По следам Попова, сударь, желаете идти? Что же, путь приличный, валяйте! — и дал ему записку, куда следовало ее дать.

Через неделю Кирпичников шел в областной город — полтора верст — на рабфак.

Стоял август. Поля шумели земледельцами, пылили стада по большаку, изумительное молодое солнце улыбалось разродившейся измученной земле.

Рыба играла на речных плесах, деревья чуть-чуть трогались желтой сединой, земля лежала голубым пространством в ту страну и в тот век, куда шел Кирпичников, где его ждало время, роскошное, как песнь.

* * *

Прошло восемь лет — срок, достаточный для полного преобразования мира, срок, в который человек перерождается начисто, вплоть до спинного мозга.

Михаил Еремеевич Кирпичников — инженер-электрик, научный сотрудник при кафедре биологии электронов, учрежденной после смерти Попова на основе его трудов.

Кирпичников женат и имеет детей — двух мальчиков. Его жена — бывшая сельская учительница, такая же сторонница немедленного физического преобразования мира, как и ее муж. Счастливая убежденность в победе любимой науки на

всемирном плацдарме и помогла им пережить убийственные годы ученья, нужды, издевательства обывателей и дала смелость родить двух детей. Они верили, что наступает время, когда хлеба будет столько же, сколько воздуха. Кирпичников мозгом ощущал приближение этой раскованной эпохи, когда у человека освободятся руки от труда и душа от угнетения и он сможет перелепить мир.

Голодная и счастливая пребывала эта семья. Шел век социализма и индустриализации, шло страшное напряжение всех материальных сил общества, а благоденствие откладывалось на завтра.

Освоившись с научной работой, Кирпичников не занял кафедры, а пошел, для тренировки, на практическую работу. Кроме высшего образования, Кирпичников имел стаж живой общественной работы и был твердым и искренним коммунистом. Как умный и честный человек, как выходец из черепичной мастерской, он знал, что вне социализма невозможна научная работа и техническая революция. В его время это подразумевалось само собой, как подразумевается, но не сознается биение сердца в живом человеке.

Десять лет прошло со дня смерти Попова. Это сказать легко, но еще легче десять раз погибнуть в эти десять лет. Попробуйте описать эти десять лет во всем их крохоборстве борьбы, строительства, отчаяния и редкого покоя. Невозможно — состариться, умрешь, а не исчерпаешь темы. Попробуйте в этом диком лесе человечества остаться свежим, мудрым и прямым! Невозможно. Поэтому и Кирпичников, которому был всего 31 год, густо поседел на висках и исполосовался морщинами.

В ответ на просьбу практической строительной работы Кирпичникова отправили в нижнеколымскую тундру — производителем работ по постройке вертикального туннеля. Целью сооружения была добыча внутренней тепловой энергии земли.

Семью Кирпичников оставил в Москве, а сам отправился. Термический вертикальный туннель был опытной работой советского правительства Якутии. В случае успеха работ предполагалось весь край Азиатского материка за Полярным

кругом покрыть целой сетью таких туннелей, затем блокировать их энергию посредством единой электропередачи и на конце электрического провода продвигать культуру, промышленность и население к Ледовитому океану.

Но главная причина туннельных работ была в том, что в равнинах тундры были изысканы остатки неведомых великолепных стран и культур. Почва и подпочва тундры были не материнского, древнегеологического происхождения, а представляли собой наносы. Причем эти наносы покрыли погребальным покровом целую серию древнейших человеческих культур. А благодаря тому, что этот смертный покров над трупами таинственных цивилизаций представлял пленку вечной мерзлоты, погребенные люди и сооружения хранились, как консервы в банке, — целыми, свежими и невредимыми.

Уже то небольшое, что случайно найдено учеными в провалах рельефа тундры, представляло неслыханный интерес и вечную ценность. Найдены были трупы 4 мужчин и 2 женщин. У женщин сохранились розовые щеки и тонкий аромат легкой гигиеничной одежды. У одного мужчины в кармане найдена книга — маленькая, испещренная изящным шрифтом; ее предполагаемое содержание: изложение принципов личного бессмертия в свете точных наук; в книге описывались опыты по устранению смерти какого-то небольшого животного, срок жизни которого — четверо суток; сфера жизни этого животного (пища, атмосфера, тело и проч.) подвергалась беспрестанному воздействию целого комплекса электромагнитных волн, причем каждый вид волны был рассчитан на убийство отдельного рода губительных микробов в теле животного; так, держа жизнь подопытного животного в поле электромагнитной стерилизации, удалось добиться увеличения срока его жизни в сто раз.

Затем была найдена пирамидальная колонна из дикого камня. Совершенная форма ее напоминала работу токарного станка, но колонна была сорок метров высоты и десять метров в основании.

Трупы людей имели смуглые лица, розовые губы, низкий, но широкий лоб, небольшой рост, широкую грудную клетку

и спокойную, мирную, почти улыбающуюся гримасу. Очевидно, или смерть застала их внезапно, или, что вероятнее, смерть была у них совсем другим чувством и другим событием, чем у нас.

Эти открытия разожгли научные страсти всего мира, и общественное мнение форсировало работы по культивированию тундры с целью полной реставрации древнего мира, залегающего под почвой мерзлого пространства и, быть может, уходящего на дно Ледовитого океана.

Страсть к знанию стала новым органическим чувством человека, таким же нетерпеливым, острым и богатым, как зрение или любовь.

Этим чувством иногда подменялись даже непреложные экономические законы и стремление к материальному благополучию общества.

Такова была истинная причина сооружения первого вертикального термического туннеля в тундре.

Система таких туннелей должна стать фундаментом культуры и экономики тундры, а затем ключом в подземные ворота — в мир неизвестной гармонической страны, нахождение которой ценнее изобретения паровой машины и открытия радиевого Монблана.

Ученые думали, что тот отрезок науки, культуры и промышленности, который нам предстоит пройти в течение ближайших ста — двухсот лет, содержится готовым в недрах тундры. Достаточно снять мерзлую почву — и история сделает скачок на век или на два века вперед, а затем снова пойдет своим темпом. Зато какая экономия труда и времени произойдет от такой полочки задаром двух будущих веков! С этим не сравнится никакое историческое благодеяние человечества в прошлом!

Ради этого стоило сделать дырку в земле, глубиной в два километра.

Кирпичников поехал, сжимая от радости кулаки, чувствуя цель, которую он должен выполнить, как всемирную победу и обручение древнейшей эры с сегодняшним днем.

Не просто была построена знаменитая скважина в тундре — человек мучается, мучит, ошибается и влечет ошибки

других, гибнет и возрождается, — потому что он все-таки движется и лезет на стену истории и природы.

Но все же туннель был построен. Вот документ инженера Кирпичникова.

*Центральному Совету Труда.
Управления работ по сооружению
Вертикального Термического Туннеля
в Нижнеколымской тундре на 67 параллели.*

Общий и заключительный доклад за 1934 год

Термический Вертикальный Туннель (№ 1) окончен 2 декабря этого года. Туннель, как было задано, предназначается для утилизации теплоты нашей планеты, находящейся в ее недрах; эта теплота, превращенная в электрический ток, должна обслуживать район под именем Тао-Лунь, площадью 1100 кв. километров, предназначенный для заселения, с целью работ по сплошному снятию почвенного и подпочвенного покрова с тундрового массива.

Туннель имеет форму усеченного конуса, обращенного усечением внутрь тела земли. Ось его наклонена к плоскости экваториального сечения в 62° . Длина оси туннеля 2080 метров. Диаметр широкого основания на дневной поверхности земли равен 42 метрам, усеченной вершины внутри земли — 5 метрам. Достигнутая температура на дне туннеля — 184°C (в том месте, где установлены термоэлектрические батареи).

Согласно проекту, утвержденному Советом Труда, работы начались 1 января 1934 года, окончены 2 декабря того же года.

Формовка туннеля достигнута не взрывным методом, как указано было в проекте, а электромагнитными волнами, отрегулированными соответственно микрофизической электронной структуре недр. Электромагнитные волны вибратора были настроены на такую длину и частоту, которые точно совпадали с естественными колебаниями электронов в атомах периферии земли; поэтому от действия внешней дополнительной силы увеличивался их размах и получался разрыв атомных орбит, вследствие чего наступала реконструкция ядра атома — его превращение в другие элементы — разрушение.

Мы поставили на поверхности мощные, и в больших пределах регулируемые, резонаторы; нашли экспериментально среднюю волну каждой встречной породы недр, подлежащей разрушению (точнее, распылению, размягчению), — итак, разжевывали ствол туннеля во всех поперечных сечениях.

Затем металлическими пятитонными ковшами, скреперного типа, на стальных тросах, мы выели получившуюся туннельную кашу. Впрочем, ее осталось немного после электромагнитной операции: большинство составных частей почвы и недр превратились в газы и улетучились. Одновременно были мягкой пылью и газом — глина, вода, гранит, железная руда.

Всего извлечено твердыми остатками 400 тыс. куб. метров, 640 тыс. куб. метров ушло газами.

Образованное коническое жерло (не совсем точное) открыло 7 горизонтов грунтовых вод, 5-й был с морской водой, а 6-й и 7-й с материнскими геологическими сжатыми водами, сильно газированными, с резкими целительными качествами.

Для откачки этой воды было образовано (взрывным способом — требовался точный профиль) 7 круглых террас внутри туннеля и установлены насосы-камероны с электрическими приводами. В общей сложности они подавали 120 тыс. куб. метров воды в час. Очистка туннеля от воды — главного препятствия работам — получалась довольно полная, вследствие равновесия между фильтрацией и откачкой воды.

После этого было приступлено (в августе месяце) к проектной формовке туннеля. Благодаря высокой температуре люди опускались только до 1000-ного метра; глубже работа производилась на тросах: посредством их устанавливались насосы, рылись кюветы и водосборные бассейны в террасах и управлялись землечерпательные ковши на формовке склонов. Дно и ствол туннеля покрыты термоизолятом сплошь, начальной толщиной слоя (у поверхности земли) в 2 сантиметра и конечной в 1,25 метра.

После сооружения туннеля собранные наверху термоэлектрические батареи вместе с проводами были опущены на тросах на дно туннеля и установлены — батарея над батареей — в двенадцать этажей.

Батареи после месячной контрольной работы показали способность непрерывной отдачи по 172800 тыс. киловатт-часов в год, иначе говоря, мощность батареи равна 28000 лошадиных сил.

Концы проводов закреплены на выводящих кронштейнах у поверхности земли, и ток в них ждет своего потребителя.

Энергия пока пущена в почву тундры — тундра тает; тает в первый раз после того, как был ею накрыт и сохранен для нас тот странный и чудесный мир, ради которого, по распоряжению Центрального Совета Труда, была добыта внутренняя теплота земного шара.

*Глав. инж. Верт. Термтуннеля — Вл. Крохов.
Производитель работ, инженер М. Кирпичников.*

№ 2/А, 4 ноября 1934

Вернулся к семье Кирпичников только в апреле месяце, пробив в отсуствии 18 месяцев.

Он почувствовал себя переутомленным и собирался поехать с женой и мальчишками куда-нибудь в деревню.

Есть люди, бессознательно живущие в такт с природой; если природа делает усилие, то такие люди стараются помочь ей внутренним напряжением и сочувствием.

Может быть, это остаток того чувства единства, когда природа и человек были сплошным телом и жили заодно.

Так бывало у Кирпичникова. Если разгоралось время весны, таял снег и ручьям подпевали южные птицы с неба, Кирпичников был доволен. Когда же неожиданно возвращался снег, заморозки и мрачное молчаливое зимнее небо, Кирпичников печалился и напрягался.

28 апреля Кирпичниковы поехали в Волошино — дальнюю деревню Воронежской губернии, где когда-то учительствовала Мария Кирпичникова, жена Михаила.

У Марии там были девичьи воспоминания, одинокие годы, милые дни прозревающей души, впервые борющейся за идею своей жизни. В оправе скудных волошинских полей лежала душевная родина Марии Кирпичниковой.

Михаила Кирпичникова влекла в Волошино любовь к жене и ее тихому прошлому, а еще то, что около Волошина, в соседнем селе Кочубарове, жил Исаак Матиссен, инженер-агроном, знакомый Кирпичникова. Когда-то, в годы ученья в институте, Кирпичников встречался с ним, и они говорили на близкие им технические темы. Матиссен ушел со второго курса электротехнического института и поступил в сельскохозяйственную академию. В Матиссене Кирпичникова интересовала его теория механики без машин — техники, где универсальным инструментом был сам человек. Матиссен, человек чести, единой идеи и несокрушимого характера, поставил целью своей жизни осуществление своей мысли.

Теперь он был заведующим Кочубаровской опытно-мелиоративной станцией. Кирпичников не видел его шесть лет — чего он добился, неизвестно, но что он старался добиться всего, в этом Кирпичников был уверен.

Уезжая в Волошино, Кирпичников заранее радовался встрече с Матиссенем.

От того Михаила Кирпичникова, который жил когда-то в Ржавске, работал в черепичной мастерской, искал истину и мечтал — осталось немного. Мечты превратились в теории — теории превратились в волю и постепенно осуществлялись. Истина стала не сердечным покоем, а практическим завоеванием мира.

Но одно тревожило Кирпичникова и толкало его на беспокойные изыскания всюду — среди книг, среди людей и чужих научных работ. Это — жажда закончить труд погибшего Попова об искусственном размножении электронов-микробов и технически исполнить эфирный тракт Попова, чтобы по нем прилить эфирную пищу к пасти микроба и вызвать в нем бешеный темп жизни.

— «Решение просто — электромагнитное русло...» — бормотал время от времени Кирпичников последние слова неоконченной работы Попова и тщетно искал того явления или чужой мысли, которые бы навели его на разгадку «эфирного тракта». Кирпичников знал, что может дать людям этот эфирный тракт: можно вырастить любое тело природы до любых размеров за счет эфира. Например, взять кусочек железа в один кв. сантиметр, подвести к нему эфирный тракт, и этот кусочек железа на глазах начнет расти и вырастет в гору Арарат, потому что в железе начнут размножаться электроны.

Несмотря на усердие и привязанность к одной проклятой мысли, решение эфирного тракта не давалось Кирпичникову уже много лет. Работая в тундре на термическом туннеле, Кирпичников думал всю долгую, беспокойную, тревожащую полярную ночь все об одном и том же. Его путала еще одна загадка, не решенная в трудах Попова: что такое положительно заряженное ядро атома, в котором присутствует материя?

Если чистые отрицательные электроны и есть микробы и живые тела, то что такое материальное ядрышко атома, к тому же положительно заряженное?

Этого никто не знал. На это были смутные указания и сотни гипотез в научных работах, но ни одно из них не удо-

влетворяло Кирпичникова. Он искал практического решения, объективной истины, а не субъективного удовлетворения первой попавшейся догадкой — может быть, и блестящей, но не отвечающей строению природы.

В Волошино Кирпичников поехал на своем автомобиле, который в его время стал орудием каждого человека. Хотя от Москвы до Волошина лежала линия в девятьсот километров, Кирпичников решил ехать на автомобиле, а не в купе вагона. Его с женой влек к себе малоизвестный путь, ночевки в поселках, скромная природа равнинной северной страны, мягкий ветер в лицо — вся прелесть живого мира и постепенное утопание в безвестности и задумчивом одиночестве.

Они поехали. Машина «Алгонда-09» работала бесшумно: бензиновый мотор погиб пять лет назад, сокрушенный кристаллическим аккумулятором ленинградского академика Иоффе. Автомобиль шел на электрической аккумуляторной тяге и только тихо шипел покрывками по асбестоцементному шоссе. Запас энергии «алгонда» имела на десять тысяч километров пути, при весе аккумуляторов в десять килограммов.

И вот развернулась перед путешественниками чудесная натура вселенной, глубину которой десятки веков старались постигнуть мудрецы всех стран и культур, идя дорогой мысленного созерцания. Будда, составители вед, десятки египтян и арабов, Сократ, Платон, Аристотель, Спиноза, Кант, наконец, Бергсон и Шпенглер — все силились догадаться про существо вселенной. А вся суть в том, что догадаться об истине нельзя, до нее можно доработаться: вот когда весь мир протечет сквозь пальцы работающего человека, преобразаясь в полезное тело, тогда можно будет говорить о полном завоевании истины. В этом была философия революции, случившейся восемнадцать лет назад и не совсем оконченной и сейчас.

Понять — это значит прочувствовать, прощупать и преобразить, — в эту философию революции Кирпичников верил всей кровью, она ему питала душу и делала волю боеспособным инструментом.

Кирпичников вел «Алгонду», улыбался и наблюдал. Мир был уже не таким, каким его видел Кирпичников в детстве —

в глухом Гробовске*. Поля гудели машинами; за первые двести километров пути он встретил шесть раз линию электропередачи высокого напряжения от мощных централей. Деревня резко изменила свое лицо — вместо соломы, плетней, навоза, кривых и тонких бревен в строительство вошли черепица, железо, кирпич, толь, террезит, цемент, наконец, дерево, но пропитанное особым составом, делающим его несгораемым. Народ заметно потолстел и подобрел характером. История стала практическим применением диалектического материализма. Искусственное орошение получило распространение до московской параллели. Дождевательные машины встречались так же часто, как пахотные орудия. На север от Москвы дождеватели исчезали, и появлялись дренажные осушительные механизмы. И дождеватели, и осушители напоминали по внешнему виду тракторы.

Жена Кирпичникова показывала детям эту живую экономическую географию социалистической страны, и сам Кирпичников с удовольствием ее слушал. Трудная личная жизнь как-то погасила в нем эту простую радость видеть, удивляться и чувствовать наслаждение от удовлетворения любознательности.

Только на пятый день они приехали в Волошино.

В доме, где остановились Кирпичниковы, был вишневый сад, который уже набух почками, но еще не оделся в свой белый неописуемый трогательный наряд.

Стояло тепло. Дни сияли так мирно и счастливо, как будто они были утром тысячелетнего блаженства человечества.

Через день Кирпичников поехал к Матиссену.

Исаак совсем не удивился его приезду.

— Я каждый день наблюдаю гораздо более новые и оригинальные явления, — пояснил Матиссен Кирпичникову, поняв его недоумение равнодушным приемом.

Через час Матиссен немного отмяк.

— Женатый, черт! Привык к сентиментальности. А я, брат, почитаю работу более прочным наследством, чем дети!.. — И Матиссен засмеялся, но так ужасно, что у него

* Выше упоминается как Ржавск.

пошли морщины по лысому черепу. Видно, что смех его столь же част, как затмение солнца.

— Ну, рассказывай и показывай, чем живешь, что делаешь, кого любишь! — улыбнулся Кирпичников.

— Ага, любопытствуешь! Одобряю и приветствую!.. Но слушай — я тебе покажу только главную свою работу, потому что считаю ее законченной. Про другие говорить не буду — и не спрашивай!..

— Послушай, Исаак! — сказал Кирпичников. — Меня бы интересовала твоя работа над темой техники без машины, помнишь? Или ты уже забыл эту проблему и разочаровался в ней?

Матиссен пожмурился, хотел состричь и удивить приятеля, но, позабыв все эти вещи, тщетно вздохнул, сморщил лицо, привыкшее к неподвижности, и просто ответил:

— Как раз это я тебе и покажу, коллега Кирпичников!

Они прошли плантации, сошли в узкую долину небольшой речки и остановились. Матиссен выпрямился, приподнял лицо к горизонту, как будто обозревая миллионную аудиторию на склоне холма, и заявил Кирпичникову:

— Я скажу тебе кратко, но ты поймешь: ты электрик, и это касается твоей области! Только не перебивай: мы оба спешим — ты к жене (Матиссен повторил свой смех — лысина заволновалась морщинами и челюсти разошлись, в остальном лицо не двигалось), а я — к почве.

Кирпичников промолчал и предложил свой вопрос:

— Матиссен, а где же приборы? Ведь мне хотелось бы не лекцию прослушать, а увидеть твои эксперименты!

— И то и другое, Кирпичников, и то и другое! А все приборы налицо! Если ты их не видишь, значит, ты ничего и не услышишь и не поймешь!

— Я слушаю, Матиссен! — кратко поторопил его Кирпичников.

— Ага, ты слушаешь! Тогда я говорю. — Матиссен поднял камешек, изо всех сил запустил его на другую сторону речки и начал: — Видно даже очам, что всякое тело излучает из себя электромагнитную энергию, если это тело подвергается какой-нибудь судороге или изменению. Верно ведь? И каж-

дому изменению — точно, неповторимо, индивидуально — соответствует излучение целого комплекса электромагнитных волн такой-то длины и таких-то периодов. Словом, излучение, радиация, если хочешь, зависит от степени изменения, перестройки подопытного тела. Дальше. Мысль, будучи процессом, перестраивающим мозг, заставляет мозг излучать в пространство электромагнитные волны.

Но мысль зависит от того, что человек конкретно подумал, — от этого же зависит, как и насколько изменится строение мозга. А от изменения строения или состояния мозга уже зависят волны: какие они будут. Мыслящий, разрушающий мозг творит электромагнитные волны, и творит их в каждом случае по-разному: смотря какая мысль перестраивала мозг. Тебе все ясно, Кирпичников?

— Да, — подтвердил Кирпичников, — дальше!

Матиссен сел на кочку, потер усталые глаза и продолжал:

— Опытным путем я нашел, что каждому роду волны соответствует одна строго определенная мысль. Я, понятно, несколько обобщаю и схематизирую, чтобы ты лучше понял. На самом деле все гораздо сложнее. Так вот. Я построил универсальный приемник-резонатор, который улавливает и фиксирует волны всякой длины и всякого периода. Но скажу тебе, что даже одной, самой незначительной и короткой мыслью вызывается целая сложнейшая система волн.

Но все же мысли, скажем, «окаянная сила» (помнишь этот дореволюционный термин?) соответствует уже известная, экспериментально установленная система волн. От другого человека она будет лишь с маленькой разницей.

И вот, свой приемник-резонатор я соединил с системой реле и исполнительных аппаратов и механизмов, сложных по технике, но простых и единых по замыслу. Но эту систему надо еще более усложнить и продумать. А затем распространить по всей земле для всеобщего употребления. Пока же я действую на незначительном участке и для определенного цикла мыслей.

Теперь гляди! Видишь, на том берегу у меня посажена капустаная рассада. Видишь, она уже засохла от бездождия. Теперь следи: я четко думаю и даже выговариваю, хотя

последнее не обязательно: о-р-о-с-и-т-ь! Гляди на другой берег, голова!..

Кирпичников всмотрелся на противоположный берег речонки и только сейчас заметил полузакрытую кустом небольшую установку насосного орошения и какой-то компактный прибор. Вероятно, приемник-резонатор, догадался Кирпичников.

После слова Матиссена — оросить — насосная установка заработала, насос стал сосать из речки воду, и по всему капустному участку из форсунок-дождевателей забились маленькие фонтанчики, разбрызгивающие мельчайшие капельки. В фонтанчиках заиграла радуга солнца, и весь участок зашумел и ожил: жужжал насос, шипела влага, насыщалась почва и свежели молодые растеньица.

Матиссен и Кирпичников молча стояли в двадцати метрах от этого странного самостоятельного мира и наблюдали.

Матиссен ехидно посмотрел на Кирпичникова и сказал:

— Видишь, чем стала мысль человека? Ударом разумной воли! Не правда ли?

И Матиссен уныло улыбнулся своим омертвевшим лицом.

Кирпичников почувствовал горячую жгущую струю в сердце и в мозгу — такую же, какая ударила его в тот момент, когда он встретил свою будущую жену. И еще Кирпичников сознал в себе какой-то тайный стыд и тихую робость — чувства, которые присущи каждому убийце, даже тогда, когда убийство совершено в интересах целого мира. На глазах Кирпичникова Матиссен явно насиловал природу. И преступление было в том, что ни сам Матиссен, ни все человечество еще не представляли из себя драгоценностей дороже природы. Напротив, природа все еще была глубже, больше, мудрее и разноцветней всех людей.

Матиссен разъяснил:

— Вся штука чрезвычайно проста! Человек, то есть я, в данном случае находится в сфере исполнительных механизмов, и его мысль (например, «оросить») есть в плане возможности исполнительных машин: они так построены. Мысль — оросить — воспринимается резонатором. Этой мысли соответствует строгая неповторимая система волн.

Именно только волнами такой-то длины и таких-то периодов, какие эквивалентны мысли «оросить», замыкаются те реле, которые управляют в исполнительных механизмах орошением. То есть там прямо замыкается ток и начинает действовать агрегат электромотор-насос. Поэтому через миг после мысли человека — оросить — под корнями капусты уже блестит вода.

Такая высшая техника имеет целью освободить человека от мускульной работы. Достаточно будет подумать, что надо, чтобы звезда переменила путь... Но я хочу добиться, чтобы обойтись без исполнительных механизмов и без всяких посредников, а действовать на природу прямо и непосредственно — голой пертурбацией мозга. Я уверен в успехе техники без машин. Я знаю, что достаточно одного контакта между человеком и природой — мысли, — чтобы управлять всем веществом мира! Понял?.. Я поясню. Видишь, в каждом теле есть такое место, такое сердечко, что если дать по нем щелчком — все тело твое: делай с ним что хочешь! А если явить тело как нужно и где нужно, то оно будет само делать то, что его заставишь! Вот я считаю, что той электромагнитной силы, которая испускается мозгом человека при всяком помышлении, вполне достаточно, чтобы так уязвлять природу, что эта Маша станет нашей!..

Кирпичников на прощанье сжал руку Матиссену, а потом обнял его и сказал с горячим чувством и полной искренностью:

— Спасибо, Исаак! Спасибо, друг! Знаешь, только одна еще есть проблема, которая равна твоей! Но она еще не решена, а твоя почти готова... Прощай! Еще раз спасибо тебе! Надо всем работать, как ты — с резким разумом и охлажденным сердцем! До свиданья!

— Прощай! — ответил Матиссен и полез вброд, не разуваясь, на ту сторону своей маловодной речонки.

* * *

Пока Кирпичников отдыхал в Волошине, мир сотрясала сенсация. В Большеозерской тундре экспедицией профессора Гомонова откопаны два трупа: мужчина и женщина лежа-

ли обнявшись на сохранившемся ковре. Ковер был голубого цвета, без рисунка, покрытый тонким мехом неизвестного животного. Люди лежали одетыми в плотные сплошные ткани темного цвета, покрытые изображениями изящных высоких растений, кончавшихся вверху цветком в два лепестка. Мужчина был стар, женщина молода. Вероятно, отец и дочь. Лица и тела были того же строения, что и люди, обнаруженные в Нижнеколымской тундре. То же выражение спокойных лиц: полуулыбка, полусожаление, полуразмышление, — будто воин завоевал мраморный неприступный город, но среди статуй, зданий и неизвестных сооружений упал и умер, усталый и удивленный.

Мужчина крепко сжимал женщину, как бы защищая ее покой и целомудрие для смерти. Под ковром, на котором лежали эти мертвые обитатели древней тундры, были найдены две книги — одна была напечатана тем же шрифтом, что и книжка, найденная в Нижнеколымской тундре, другая имела иные знаки. Эти знаки были не буквами, а некоторой символикой, однако с очень точным соответствием каждому символу отдельного понятия. Символов было чрезвычайное множество, поэтому ушло целых пять месяцев на их расшифровку. После этого книга была переведена и издана под наблюдением Академии филологических наук. Часть текста найденной книги осталась неразгаданной: какой-то химический состав, вероятно находившийся в ковре, безвозвратно погубил драгоценные страницы — они стали черными, и никакая реакция не выявляла на них символических значков.

Содержание найденного произведения было отвлеченно-философское, отчасти историко-социологическое. Все же сочинение представляло такой глубокий интерес как по теме, так и по блестящему стилю, что книжка в течение двух месяцев вышла в одиннадцати изданиях подряд.

Кирпичников выписал книгу. Везде и всюду он искал одного — помощи для разгадки эфирного тракта.

Когда он посетил Матиссена, на обратном пути что-то зацепилось в его голове, он обрадовался, но потом снова все распалось — и Кирпичников увидел, что работы Матиссена

имеют лишь отдаленное родство с его мучительной проблемой.

Получив книгу, Кирпичников углубился в нее, томимый одной мыслью, ища между строк неясного намека на решение своей мечты. Несмотря на дикость, на безумие искать поддержки в открытии эфирного тракта у большеозерской культуры, Кирпичников с затаенным дыханием прочел сочинение мертвого философа.

Сочинение не имело имени автора, называлось оно «Песни Аюны» и содержало в себе следующие мысли:

...Вера есть двигатель творчества; знание есть созерцание сотворенного, замедленная, застывшая вера — сомнение.

Вторая формула и есть фигура духа современной нам Хорпайи, обреченной страны. И сколько бы ни писалось книг, сколько бы ни мучилось голов, они не вырвутся из этих живых (потому что истинных) слов: творчество есть вера, а знание — сомнение, медленная вера, точка творчества, нуль жизни.

Знание — это отбросы творчества, то, что переварено в человеческой сокровенности и выкинуто вон. Знание то, что я сделал и перестал любить, потому что кончил, завершил; вера—творчество есть то, что люблю я, люблю потому, что не имею и не знаю, что не прошло через меня и не стало прошлым. Творчество есть всегда любовь к будущему, несбывшемуся и невозможному. Великий покой, четкая, суровая, жесткая оформленность должны быть в душе творящего: он противопоставляет себя хаосу — т. е. будущему, не существующему, — и делает из него настоящее — твердые комки вещей — мир. Душа художника должна быть тверже и упорнее всех вещей в мире. Искусство есть, может быть, время — и больше нечего, оно есть трансформация хаоса, его ограничение, делание пространства из времени, ибо только ограниченное — форма — доступно желудку сознания. Хаос есть зимнее холодное поле, а художник — теплота, от которой тает снег и растет трава. Когда хаос — черная немая птица — пойман и посажен в клетку, он становится миром, т. е. прошлым, пройденным, перестраданным, и отношение к миру у человека может быть только одно — познание его. Но — никогда не оглядывайся назад: остановишься! Творчество же есть крылья и движение к тому, чего нет, что невозможно, неведомо, неимоверно, но что будет, должно быть неотвратимо. Может быть, творчество есть чудовищное сомнение в спасении, в цели, в остановке и страстные поиски окончательной гибели. Судьба — аккомпанемент искусства, никогда не заглушаемый никакими взрывами и пожарами духа, потому что судьба

творчества есть свобода его. То, что будет, есть время, то, что было, есть пространство. Иначе: пространство есть прошлое замерзшее время; время — нерожденное пространство, хаос, не превращенный жаркой и верующей душой художника в комки вещей.

Только человек-художник стоит посреди — на зыбкой волнующейся грани времени и пространства и неумоимо, бесценно строит из жидкой пламенной лавы времени твердые холодные камни — пространство.

Сейчас по Хорпайе курсирует ослепительная книга Зун-Зойги о закате Хорпайи, о падении и смерти Хорпайской аюны. Зун-Зойгу там обожают и кланут, но и кто клянёт, тайно любит его. Я где-то читал, что искусство есть мать любви, а Зун-Зойга — источник мощного искусства мысли. Зун-Зойга — универсальный мыслитель Хорпайи, он свободно и радостно, не запинаясь и не сомневаясь, играет на современной чудовищно сложной клавиатуре древней хорпайистской аюны. Математика и религия, музыка и политика, история и инженерное искусство — все под его пальцами поет и служит его единой любимой идее — близкой катастрофе Хорпайи. Зун-Зойга — музыкант слова, он сравним только с Моравендом по какой-то фиолетовой глубине и гибельности стиля, по скорбному напеву слов. Есть органическое соединений слов — тогда все слова живые, как цветы, и им нельзя не верить; есть механическая сцепка слов — тогда они есть ложь и песок. У Зун-Зойги — органика, а не механика слов; его философия — песня, а не рассчитанная техника логики. И Зун-Зойга — опасный человек. Он настолько артист слова, что может какую угодно чепуху написать, но так написать, так торжественно уверенно, ослепляюще написать, что ему поверят все, а он засмеется после надо всеми. Но пусть не надеется, не всех одинаково очаровывает красота — есть вещи поважнее и попрекраснее красоты.

Книга Зун-Зойги — до конца честная книга, книга мужественного человека, полюбившего свою гибель, не верящего и не нуждающегося ни в каком спасении.

Гибель, катастрофа Хорпайи — вот главный напев его книги. Аюна^{*} становится литой^{**}, а лита есть смерть аюны — тихо и, для малосведущих, убедительно говорит Зун-Зойга.

Аюна — вообще аюна, а не только хорпайская, — это когда человек, нация, раса делают в себе свою душу посредством внешнего мира.

Лита — это когда уже душа сделана, закончена и энергия такой завершенной души обращается на внешний мир для изменений его на потребу себе.

* Соответствует, вероятно, мудрости, глубокой культуре, гению народа. (Примечание переводчика.)

** Равнозначает мертвому академическому знанию, мастерству, обычному сознанию. (Примеч. пер.)

Аюна — когда мир делает душу. Лита, когда насыщенная, полная мощная душа переделывает мир. При лите человек или раса, т. е. ломоть человечества, — хочет весь мир сделать своей сокровенной душой, а при аюне человек хочет вырвать из мира только кусок его, что ему мило и необходимо, — душу.

Аюна — это искусство, а лита — техника, гидрофикация. Это мысли не Зун-Зойги, а мои, но чтобы сделать анализ и прогноз современной Аюны нашей соседки — Хорпайи, которой сам Зун-Зойга есть совершеннейшее произведение, я должен начать именно так, как начал.

Сделать это можно только в целой серии книг — так и будет сделано, ибо вопрос огромен, запутан, мрачен, а разрубать его не остроумно и не для всех будет это понятно, — следовательно, надо по единой нити его весь распутать.

В Зун-Зойге — океан мысли, и каждую мало понять, но надо всосать в себя, перевести в эмоцию и, перестрадав, выжить ее из себя. Кто же Зун-Зойга — пророк или только художник, вакханка сознания? Дело, конечно, не в Зун-Зойге, но Зун-Зойга — сконцентрированное выражение хорпаистской аюны, вот почему он так интересен. Ведь если хорпаистские нуали* скоро не выступят, то и в Муании** власть аюны не наступит. Это будет освещено и оживлено в следующей книге.

Зун-Зойга не верит в контакт, в преемственность или даже отдаленную родственность отдельных аюн. Каждая аюна одинока; рождается, расцветает и погасает в лите, без следа, без эха и истории и вечности. Вот его волнующие слова об этом:

«Нет бессмертных творений. Последний аюн и последняя поя*** будут когда-нибудь расщеплены; чарующий мир наших поэм и наших симфоний, всего только несколько лет тому назад нами, но и только для нас рожденные, замолкнет и исчезнет. Высочайшие достижения хорпаистской мелодики и гармонии покажутся будущим аюнам идиотическим карканьем странных инструментов. Скорее, чем успеют истлеть полотна Вернайи и Листрейи, переведутся те последние души, для которых эти полотна будут чем-то большим, чем цветными лоскутами. Кто понимает сейчас саргонасскую лирику? Кто знает, кто чувствует, что она значила для людей мира Саргоны****?»

Есть ли лита смерть аюны, души, окостенение и превращение в ничтожество рас-носительниц и авторов аюн? Или — нет, или наоборот, или истинное решение вопроса осталось неизвестным Зун-Зойге? Одинока ли и обречена ли на смерть без памяти в грядущем всякая аюна, и воз-

* Вероятно, рабы. (Примеч. пер.)

** Страна автора (Примеч. пер.)

*** Вероятно, музыкальные инструменты (Примеч. пер.).

**** Какая-то древняя забытая страна. (Примеч. пер.).

можно ли еще аюна в Хорпайе; иначе говоря, возможно ли в Хорпайе восстание нуалей и воскрешение аюны, как это случилось у нас в Муании!..

Три страницы книжки не разобраны и не переведены (сильно повреждены) — далее опять следует ясная часть.

...Отношение истории к природе то же, что отношение времени к пространству. История вовсе не есть только внутрочеловеческое понятие: если бы это было так, то мир был бы грудой независимых друг от друга вещей, а не живым цветущим организмом процессов, каким мы его знаем.

Природа есть тень истории, ее отбросы, экскременты — то, что было когда-то живым и движущимся, т. е. временем, полетом, будущим, и то, что стало теперь прошлым, пространством, материей, формой, одиноким забытым камнем на покинутой дороге.

Нам надо переоценить историю и природу: историю одну сделать вещь, достойной познания, и оставить природу в стороне, позади, как хлам, как время, съеденное историей и превращенное ею в пространство, — в мрачное тюремное ущелье, тихий и просторный белый каземат. Человечество в природе-пространстве — это голодный в зимнем поле: ему нужны не ветер и воля одному умирать, а хлеб и уют нато-пленного жилья. Человечество в истории — это всежаждущее существо, это незаконная душа со всемогущими неустанными пламенными крыльями. Закон, точная форма, гармоническая зависимость процессов, симметрия — это же только следы улетающей свободы, ее отбросы, окаменелые экскременты. И природа — есть закон, путь, оставленный историей, дорога, по которой когда-то прошла пламенная танцующая душа человечества. Природа — бывшая история, идол прошлого. История — будущая природа, тропа в неведомое. Ибо неведомое есть невероятное разноцветное множество неродившихся вселенных, которое не охватывает раскосый взор человечества — и только поэтому возможна и действительно есть свобода: есть всемогущество в творчестве, есть бесконечность в выборе форм творчества.

Итак, история, а не природа — как было, как есть теперь — должна стать страстью нашей мысли, ибо история есть взор в даль, несвершившаяся судьба, история есть время, а время — неосуществленное пространство, т. е. будущее. Природа же есть прошлое, оформленное, застывшее в виде пространства время. И мы бы не должны знать природы, одну историю мы б должны постигать, потому что история и есть наша судьба, а судьба — показатель нашей мощи, вестник цели и конца, или начало иной бесконечности.

История для нас есть уменьшающееся время, выковка своей судьбы. Природа — законченное время, законченное потому, что оно остановилось, а остановившееся время есть пространство, т. е. сокровенность природы, мертвое лицо, в котором нет жизни и нет поэтому загадки. Каменный сфинкс страшен отсутствием загадки*.

Но человечество живет не в пространстве — природе и не в истории — времени — будущем, а в той точке меж ними, на которой время трансформируется в пространство, из истории делается природа. Человеческой сокровенности одинаково чужды, в конце-концов, и время и пространство, и оно живет в звене между ними, в третьей форме, и только пропускает через себя пламенную ревушую лаву — время и косит глаза назад, где громоздится этот хаос огня, вращается смерчем и вихрем — и падает, обессиливается, — из свободы и всемогущества делается немощью и ограниченностью — пространством, природой, сознанием.

Этим мыслям можно бы найти эквивалент в новейшей муанийской науке, но я ограничен местом.

Дальше от природы — в стихию свободы, в поэму пламени, в страну склоняющихся пред человеком невозможностей — в историю! Историю нельзя познать, предопределить: предопределенное несвободно и погасает желание его достигнуть. Сейчас историю точно предопределяют, и этим облегчается путь человечества. Но это — совсем не история. Это сдвиги, обвалы, сбросы еще неостывшей, неуравновесившейся, недавно рожденной временем природы**. То, что мы принимаем за историю — не есть она, — это только охлаждающаяся, оформляющаяся природа, сумма ее последних, добавочных, нивелирующих процессов. Еще и еще раз нам надо отдаться критике всех прочно сидящих богов в муанийской науке и в представлениях будничной жизни человечества. Критика же есть реконструкция рукою человека мира, построенного до него; и насколько оригинальнее, новее этот родившийся человек, настолько мир ему менее соответствует, настолько основательнее будет его реконструкция, — перестройка мира этим человеком, этой расой... И в конечном счете цель прогресса человечества — сбросить железную диктатуру действительности, побратать закон с чудом — свободой.

У Зун-Зойги есть прекрасные слова: история есть мир, цветущий в образе. Да, потому что образ есть движение, изменчивость. А изменчивость есть чудо и свобода, что присуще только жизни и истории. Природа же — образ окаменевший, и потому она не образ, а безобразие: образ не может быть стоячим, он — игра и движение.

* Загадочно то, что имеет судьбу. В природе нет судьбы. (Примеч. пер.)

** И потому, смотря на обвисшие куски, можно заранее сказать, куда и как они упадут. (Примеч. пер.)

И вот мы подошли к основному, глубочайшему вопросу: каково будет содержание аюны нового человечества, зачатого восстанием нуалей, и есть ли начало этой аюны уже сейчас, в действительности. В следующей, последней книге о нуалях и лите это будет выяснено до конца, и мы предугадываем, уже предугадали, какая песнь вырвется из груди того человечества, ставшего организмом, вместо механизма, строящего себе прочную обитель на периферии земного шара и запустившего руки и мысли глубоко в землю, в ее теплые тайные недра, и к танцующим непойманым звездам.

Из мертвеющей, пропахшей трупами Муании вырастает новая, венчающая человечество и кончающая его аюна — штурм вселенной вместо прежнего штурма человека человеком — симфония сознания...

На этом кончалось все, что было выжато и разгадано из «Песен Аюны» учеными-современниками.

— Нет, — сказал Кирпичников, прочитав, — очень хорошо, но очень пусто и неверно: этого Зун-Зойгу у нас любой пионер в два счета разошьет и израсходует! Людям нужна внутренняя истина, т. е. покой, а мне нужен эфир, чтобы накормить им железо! Как скучно! — сказал Кирпичников. — И в тундре ничего путного не думали! Все любовь, да творчество, да душа, а где же хлеб и железо?..

* * *

Кирпичников сильно затосковал, потому что он был человеком, а человек обязательно иногда тоскует. Ему случилось уже тридцать пять лет. Построенные им приборы для создания эфирного тракта молчали и подчеркивали заблуждение Кирпичникова. Фразу Попова — «Решение просто — электромагнитное русло» — Кирпичников всячески толковал посредством экспериментов, но выходили одни фокусы, а эфирного пищепровода к электронам не получалось.

— Так-с! — в злобном исступлении сказал себе Кирпичников. — Следовательно, надо заняться другим! — Тут Кирпичников прислушался к дыханию жены и детей (была ночь и сон), закурил, прислушался к шуму Тверской за окном и сразу зачеркнул все. — Тогда тебе надо пуститься пешему по земле, ты гниешь на корню, инженер Кирпичников!

Семья? Что ж — жена красива, новый муж к ней сам прибежит, дети здоровы, страна богата — прокормит и вырастит! Это единственный выход, другой — смерть на снежном бугре у распахнутой двери: выход Фаддей Кирилловича!.. Да-с, Кирпичников, таковы дела!

Кирпичников вздохнул с чрезвычайной сентиментальностью, а на самом деле искренне и мучительно.

— Ну что я сделал? — продолжал он шепотом ночную беседу с самим собой. — Ничего. Туннель? Чепуха: сделали бы и без меня. Крохов был талантливее меня. Вон Матиссен — действительно работник! Машины пускает мыслью! А я... а я обнял жизнь, жму ее, ласкаю, а никак не оплодотворяю... Будто женился человек, а сам только с виду мужчина и обманул жену...

Кирпичников тут спохватился:

— Философствуете, сударь? В отчаяние впали? Стоп! Это, брат, нервы у меня расшились: простая физиологическая механика, субъективно не имеющая страдания... Так зачем же ты страдаешь?

Зазвонил неожиданно и не вовремя телефон:

— У телефона Крохов. Здорово, Кирпичников!

— Здравствуй, что скажешь?

— Я, брат, получил назначение. Еду на Фейссуловскую атлантическую верфь: первое компрессорно-волновое судно строить. Знаешь эту новую конструкцию: судно идет за счет силы волн самого океана! Проект инженера Флювельберга.

— Ну, слышал, а я-то при чем тут?

— Что ты бурчишь? У тебя изжога, наверно! Чудак, я еду главным инженером верфи, а тебя вот зову своим заместителем! Я ведь корабельщик по образованию — справимся как-нибудь, и сам Флювельберг будет у нас! Ну как, едем?

— Нет, не поеду, — ответил Кирпичников.

— Почему? — спросил пораженный Крохов. — Ты где работаешь-то?

— Нигде.

— Ну смотри, парень! Пройдет изжога, пожалеешь! Я подожду неделю.

— Не жди, не поеду!

— Ну, как хочешь!

— Прощай.

— Спокойной ночи.

Кирпичников прошел в спальню. Постоял молча в дверях, потом надел старое пальто, шляпу, взял мешок и ушел из дому навсегда. Он ни о чем не сожалел и питался своей глухой тревогой. Он знал одно: устройство эфирного тракта поможет ему опытным путем открыть эфир как генеральное тело мира, все из себя производящее и все в себя воспринимающее. Он тогда технически, то есть единственно истинно, разъяснит и завоюет всю сферу вселенной и даст себе и людям горячий ведущий смысл жизни. Это старинное дело, но мучительны старые раны. Только людские ублюдки кричат: нет и не может быть смысла жизни — питайся, трудись и молчи. Ну а если мозг уже вырос и так же страстно ищет своего пропитания, как ищет его тело? Тогда как? Тогда — труба, выкручивайся сам, в этом мало люди помогают.

Вот именно! Найдите вы человека, который живет не евши! Кирпичников же вошел в ту эпоху, когда мозг неотложно требовал своего питания, и это стало такой же горячей воющей жаждой, как голод желудка, как страсть пола!

Может быть, человек, незаметно для себя, рождал из своих недр новое великолепное существо, командующим чувством которого было интеллектуальное сознание, и ничто иное! Наверное, так. И первым мучеником и представителем этого существа — был Кирпичников.

Кирпичников пошел пешком на вокзал, сел в поезд и поехал на свою забытую, заросшую забвением родину — Гробовск. Там он не был двенадцать лет. Ясной цели у Кирпичникова не было. Он влекся тоскою своего мозга и поисками того рефлекса, который наведет его мысль на открытие эфирного тракта. Он питался бессмысленной надеждой обнаружить неизвестный рефлекс в пустынном провинциальном мире.

Очувтившись в вагоне, Кирпичников сразу почувствовал себя не инженером, а молодым мужичком с глухого хутора и повел беседу с соседями на живом деревенском языке.

Русское овражистое поле в шесть часов октябрьского утра — это апокалипсическое явление, кто читал древнюю книгу — Апокалипсис. Идет смутное столпотворение гор сырого воздуха, шуршит робкая влага в балках, в десяти сажнях движутся стены туманов, и ум пешехода волнует скучная злость. В такую погоду, в такой стране, если ляжешь спать в деревне, может присниться жуткий сон.

И действительно, по дороге, выпавшись в ближней деревне, шел человек. Кто знает, кем он был. Бывают такие раскольники, бывают рыбаки с верхнего Дона, бывает прочий похожий народ. Пешеход был не мужик, а, пожалуй, парень. Он поспешал, сбивался с такта и чесал сырые худые руки. В овраге стоял пруд, человек сполз туда по глинистому склону и попил водицы. Это было ни к чему — в такую погоду, в сырость, в такое прохладное октябрьское время не пьется даже бегуну. А путник пил много, со вкусом и жадностью, будто утоляя не желудок, а смазывая и охлаждающая перегретое сердце.

Очнувшись, человек зашагал сызнова, глядя как напуганный.

Прошло часа два; пешеход, одолевая великие грязи, выбился из сил и ждал какую-нибудь нечаянную деревушку на своей осенней дороге.

Началась равнина, овраги перемежились и исчезли, запутавшись в своей глуши и заброшенности.

Но шло время, а никакого сельца на дороге не случилось. Тогда парень сел на обдутый ветрами бугорок и вздохнул. Видимо, это был хороший молчаливый человек и у него была терпеливая душа.

По-прежнему пространство было безлюдно, но туман уползал в вышину, обнажались поздние поля с безжизненными остьями подсолнухов, и понемногу наливался светом скромный день.

Парень посмотрел на камешек, кинутый во впадину, и подумал с сожалением об его одиночестве и вечной прикованности к этому невеселому месту. Тотчас же он встал

и опять пошел, сожалея об участи разных безымянных вещей в грязных полях.

Скоро местность снизилась, и обнаружилось небольшое село — дворов пятнадцать.

Пеший человек подошел к первой хате и постучал. Никто ему не ответил. Тогда он самовольно вошел внутрь помещения.

В хате сидел нестарый крестьянин, бороды и усов у него не росло, лицо был утомлено трудом или подвигом. Этот человек как будто сам только вошел в это жилье и не мог двинуться от усталости, оттого он и не ответил на стук вошедшего.

Парень, житель Гробовского округа, взгляделся в лицо нахмуренного сидельца и сказал:

— Феодосий! Ньюжли возвратился?

Человек поднял голову, засиял хитрыми умными глазами и ответил:

— Садись, Михаил! Воротился, нигде нет благочестия — тело наружи, а душа внутри. Да и шут ее знает — кто ее щупал — душу свою...

— Што ж, хорошо на Афоне? — спросил Михаил Кирпичников.

— Конечно, там земля разнообразней, а человек — стержец, — разъяснял Феодосий.

— Что ж теперь делать думаешь, Феодосий?

— Так чохом не скажешь! Погляжу пока — шесть лет ушло зря, теперь бегом надо жить! А ты куда уходишь, Михаил?

— В Америку. А сейчас иду в Ригу на морской пароход!

— Далече. Стало быть, дело какое имеешь знаменитое?

— А то как же!

— Стало быть, дело твое сурьезное?

— А то как же! Бедовать иду, всего лишился!

— Видать, туго задумал ты свое дело?

— Знамо, не слабо. Без харчей иду, придорожным приработком кормлюсь!

— Дело твое крупное, Михайла...

Пустая хата пахла не по-людски. Мутные окна глядели равнодушно и разуверяли человека: оставайся, не ходи никуда, живи молча в укромном месте!

Михаил и Феодосий разулись, развесили мокрые портянки и закурили, уставившись на стол рассеянными глазами.

— Что-то дует! Михайла, захлобысни дверь! — сказал Феодосий.

Устроив это, Михаил спросил:

— Небось тепло теперь в Афонском монастыре! Небось покойно живет там. Чего сбежал из монахов?

— Оставь, Михаил, мне нужна была истина, а не чужеродные харчи. Я хотел с Афона в Месопотамию уйти — говорят, там есть остатки рая, а потом передумал. Года ушли, уж ничего не нужно стало. Только вспомнишь детей, и как-то жалко станет. Помнишь, трое детей умерло у меня в одно лето?.. Уж двадцать годов прошло, небось кость да волос остались в могиле... Эх, жутко мне чего-то, Михаил!.. Оставайся ночевать, может, дорога к утру завокнет...

— И то останусь, Феодосий. Этак до Риги не дойдешь!

— Вари картохи! Жрать с горя тянет...

Уснувши спозаранок, Феодосий и Михаил проснулись ночью. Огня в хате не было; за окном стояла нерушимая и безысходная тишина. Как будто и поля проснулись, но был час ночи, до утра далеко, и они лежали и скучали, как люди.

Почуяв, что Михаил не спит, Феодосий спросил:

— Из Америки-то думаешь возвращаться?

— Затем и еду, чтоб вернуться.

— Едва ли: дюже далеко!

— Ничего, обучусь нужному делу и ворочусь!

— Мудрому делу скоро не обучишься.

— Это верно, дело мое богатое, скоро не ухватишь!

— Насчет чего же дело твое?

— Пыточный ты человек, Феодосий, был на Афоне и в иностранных державах, рай искал, а насущного ничего не узнал...

— Это истинно, кому что!

— Мужикам одно нужно — достаток! У нас ржи — хоть топи ей, а все не богато живем и туго идем на поправку.

В этом году рожь до двугривенного доходила — вот тебе и урожай!

— А чего же ты задумал?

— Слышал про розовое масло? — неожиданно для себя выпалил Кирпичников, смутно вспомнив какую-то старую, давно слышанную историю. И это его спасло, потому что ясного ответа — на вопрос о своем странствии — он не имел даже для себя.

— Слышал — гречанки тело мажут им для прелести.

— Это што! Это для духовитости. Из розового масла знаменитые лекарства делают — человек не стареет, кровь ободряют, волос выращивают — я по книжке изучал. Я ее с собой несу. В Америке половина земли розами засажена — по тыще рублей в год чистого прибытка десятина дает! Вот где, Феодосий, мужицкое счастье...

Михаил говорил зажмурившись, в избытке благородного чувства, но думая совсем о другом. Открыв глаза, он заметил, что в окне посерело, он слез с печки и стал собираться в Америку, не стравливая зря времени.

— Куда ты? — спросил Феодосий.

— Пора уходить, мне еще далече идти. Отдохнул — и в ход, а то я томиться начинаю, когда задерживаюсь!

— Рано еще, наварим кулешу, поешь и пойдешь.

— Нет, пойду, день и так короток!

— Ну, как хочешь... Ты, стало быть, в Америке хочешь узнать, как розовое масло делается?

— Догадался? А ты думал, я свечки там делать буду? Наша земля сотворена для розы! На нашем черноземе только розе и расти! Ты погляди, Феодосий, благоухание какое будет — все болезни пропадут!..

— Да, дело твое лепное! Ну, ступай, чудотворец, поглядим — подышим! Много тогда рассады, должно, потребует-ся! Скорей только ворочайся и в морях не утопни!

Кирпичников вышел и пропал в полях. Он был доволен ночевкой, Феодосием — восемнадцать лет пропадавшим где-то в поисках праведной земли и увидевшим в нем только черепичного мастера — и своей хорошей беседой с ним. Но в этой беседе была и правда — Кирпичников на самом деле

собрался в Америку, ища там невиданных новостей жизни, заранее им радуясь, чувствуя в себе необъяснимое освобождение.

Пройдя сквозь европейский кусок СССР, Михаил достиг Риги. Он шел четыре месяца. Задерживала его не столько дальность дороги, сколько заработки по хуторам, где он поденно батрачил. Как только он зарабатывал пищи на неделю, он бросал хозяина с его заботами и уходил в направлении Балтийского моря.

В Риге в Михаиле Кирпичникове проснулся инженер. Его поразила прочность домов — ни ветер, ни вода такие постройки не возьмет, — одно землетрясение может поразить такие монументы. Сразу почуял в Риге Михаил всю тщету, непрочность и страх сельской жизни. В Москве он почему-то про это не думал. Еще удивил Михаила этот город стройной задумчивой торжественностью зданий и крепкими спокойными людьми. Несмотря на образование и жизнь в Москве, в Кирпичникове сохранилась первобытность и способность удивляться простым вещам. Михаил нечаянно для себя подумал, что действительно нежное масло душистых и пьяных роз способно построить вечные здания в древних балках его родины и в этих зданиях поселятся довольные вежливые мужики.

Так, незаметно, голова Кирпичникова переводилась на другую идею, чтобы дать отдых первой.

По ровным цементным дорогам побегут чистоплотные автомобили, шурша узорной резиной, развозя мужиков в гости к кумовьям верст за двести и далее. Феодосий, наверное, тогда женится, купит сто пудов бензину и поедет в Месопотамию смотреть остатки обители умершего бога.

Хорошо будет. Встанешь утром, воткнул рычаги, повернул кнопки — жарится завтрак, греется чай, насос пыль из комнаты высасывает, в руках находится умная книга. Женщину не за что терзать, и ей нечего мучиться, борясь с неуютностью жизни, — и женщина тогда порозовеет щеками, потому что в поле будут расти розы, а не рожь. Женщина тогда станет настоящей матерью могучих людей, которые народятся в мир и дадут ему здоровье и покойную силу. Буду-

щие женщины станут похожими на своих сестер, откопанных в тундре.

Михаил ходил по Риге и улыбался от удовольствия видеть такой город и иметь в себе верную мысль всеобщего богатства и здоровья. Ходил он столько дней, пока у него не вышли харчи; тогда он пошел в порт.

Кирпичников окончательно убедился, что розы — верная мысль и надежный источник народного обогащения. Еще далеко не все богаты были, даже в Советской стране.

Голландский пароход «Индонезия», сгрузив индиго, чай и какао, грузился лесом, деревообделочными машинами, пенькой и разными изделиями советской индустрии. Из Риги он должен идти в Амстердам, там он произведет текущий ремонт машин, а затем уйдет в Сан-Франциско, в Америку.

Михаила Кирпичникова взяли на него помощником кочегара — подкидчиком угля, потому что Кирпичников согласился работать за половинную цену.

Через десять дней «Индонезия» тронулась, и перед Михаилом Кирпичниковым открылся новый могучий мир пространства и бешеной влаги, о котором он никогда особенно не думал.

Океан неописуем. Редкий человек переживает его по-настоящему, тем чувством, какого он достоин. Океан похож на тот великий звук, который не слышит наше ухо, потому что у этого звука слишком высок тон. Есть такие чудеса в мире, которые не вмещают наши чувства, именно потому, что наши чувства их не могут вынести, а если бы попробовали, то человек разрушился бы.

Вид океана снова убедил Михаила в необходимости достигнуть богатой жизни и отыскать эфирный тракт, а вечная работа воды заряжала его энергией и упорством.

Эфир уже сочетался с розой в сознании Кирпичникова, и, экономя образ, он иногда воображал себе розу, опущенную в синий дух эфира.

В Сан-Франциско Кирпичникову посоветовали идти в Калифорнию — там есть округ Риверсайд, где много лимонных садов и цветоводов. Там именно и занимаются выгонкой розового масла, и имеется для этого большой завод.

И Кирпичников двинулся вдоль Америки.

У одного фермера, где Кирпичников нанялся на прочистку сада, была дочь. Михаилу она очень понравилась, до того она была ласковая и миловидная. Ее звали Руфью. Руфь была прилежна в работе, имела твердые руки и смело водила «форд». Она же заведовала всеми машинами и орудиями на ферме и была за машиниста на водокачке, которая подавала воду на орошение сада. Руфь была русая, голубоглазая и по характеру, по сердечности и серьезности напоминала русскую.

И Кирпичников захотел остаться на ферме. Отец Руфи ценил прилежание Михаила, относился к нему хорошо и, наверное, оставил бы Михаила на неопределенное время. Тем более на ферме не было ни слесаря, ни кузнеца, а Михаил знал это дело.

Но раз ночью Михаил проснулся. На колодце чвакал двигатель, нагнетая воду в сад. Хутор спал, и Михаил почувствовал тоску и тревогу. Он вспомнил розы, Россию, Феодосия, Попова, эфирный тракт, работающий океан — и стал одеваться. Деньги у него были, двадцать долларов, и он вышел в прохладную ночь. Была за фермой тьма, какой-то город сиял ночным чудом на далеком холме — и Михаил молча пошел дальше на Калифорнию, в лимонный округ Риверсайд.

Десять лет прошло, как ушел Михаил из Ржавска. В свежее утро раннего лета, среди молодых розовых гор Калифорнии, шагал Михаил к далеким лимонным рощам и цветочным полям Риверсайда.

Кирпичников чувствовал в себе сердце, в сердце был напор крови, а в крови — надежда на будущее, на сотни счастливых советских лет, напоенных благотворным газом роз и накормленных эфирным железом.

И Михаил спешил среди ферм, обгоняя мощные стада, сквозь веселый белый бред весенних вишневых садов. Калифорния немного напоминала Украину, где Кирпичников бывал мальчиком, но народ был сплошь здоровый, рослый и румяный, а коричневые обнажения древних горных пород напоминали Кирпичникову, что родина его далеко и что там сейчас, наверное, грустно.

И, свирепея, отчаиваясь, завидуя, упираясь в твердые ноги, Кирпичников почти бежал, спеша достигнуть таинственный Риверсайд, где сотни десятин под розами, где из нежного тела беззащитного цветка выгоняется тончайшая драгоценная влага и где, быть может, работает возбудитель того рефлекса, который выведет его на эфирный тракт:

Четверо суток шел Михаил. Он немного заблудился и дал круг километров в пятьдесят.

Наконец он достиг города Риверсайд. В городе было всего домов тысячу; но улицы, электричество, газ, вода — все было удобно обдумано и устроено, как в лучшей столице.

У околицы города висела вывеска:

«Путник, только у Глэн-Бабкока, в гостинице «Четырех стран света», высосут пыль из твоей одежды (вакуум-пюпитры), предложат влагу лучших источников Риверсайда, накормят стерилизованной пищей, почти не дающей несваренных остатков, и уложат в постель с электрическими грелками и рентгенокомпрессором, изгоняющим тяжелые сновидения».

Кирпичников немного понимал по-английски и теперь развлекался этими надписями.

«Американцы! В Вашингтоне — ваша мудрость! В Нью-Йорке — слава! В Чикаго — кухня! В Риверсайте — ваша красота! Американцы, вы должны быть настолько красивы, насколько энергичны и богаты: заказывайте тоннами пудру Ривергрэн!»

«В Фриско наши корабли, в Риверсайте — наши женщины! Американки, объясните мужьям — нашей стране нужны не только броненосцы, но и цветы! Американки, записывайтесь в Добровольную Ассоциацию Поощрения Национального Цветоводства: Риверсайд 1, А/34».

«Масло розы — основа богатства нашего округа! Масло розы — основа здоровья нации! Американцы, уснащайте ваши мужественные тела эссенцией розы — и вы не потеряете мужества до ста лет!»

«В Азии — Месопотамия, но без рая! В Америке — Риверсайд, но в раю!»

«Элементы нашего национального рая, суть:

Пища — Жилище — Влага: Глэн-Бабкок;

Одежда — Красота — Мораль: Кацманзон;

Искусство — Рассуждение — Религия — Пути Поведения — Вечная Слава: универсальное блок-предприятие Звездного треста;

Вечный покой: Анонимная Компания «Урна»;
Эксплуатация времени в целях смеха и развлечения: изолированная обитель «Древо Евы»;

Препараты «Антисексус»: Беркман, Шотлуа и Сн.».

«Ходят только в башмаках Скрэга, в остальной обуви ползают!»

«Приведи в действие тормоз опасности! Стоп! Дальше — конец света! Зайди в наш дом «Сотворение мира!» «Джентльмены! Танец творит человека — творите себя: танцзала напротив! Маэстро Майнрити: стаж 50 лет в странах Европы».

«Помолись! Каждый обречен на смерть! Встреча с Богом неминуема! Что ты скажешь ему? Зайди в Дом Абсолютной Религии! Вход бесплатный. Хор юных девушек зафиксированного целомудрия! Оживленная Статуя Истинного Бога! Мистические процедуры, стихи, музыка нерожденных душ, ароматное помещение! Кино религиозными методами иллюстрирует современность, пастор Фокс доказывает соответствие Истории и Библии! Посетившему гарантируется стерилизация души и возвращение перводушевности!»

«Звездное Знамя есть Знамя Небесного Бога! Аллилуйя!»

«Наклони голову: тебя ждут обувные автоматы и препараты против пота!»

«Главное в жизни — Пицца! И — наоборот! Усовершенствованные экскрементарии в каждом квартале Риверсайда ждут тебя! Осознай желудок!»

«Аэропланы в розницу с бесплатной упаковкой: Эптон Гаген».

Кирпичников хохотал. Он читал где-то, что американцы по развитию мозга — двенадцатилетние мальчики. Судя по Риверсайду, это была точная правда.

Работу себе нашел Кирпичников через четыре дня: машинистом на насосной станции, поднимающей воду из реки Квебек в лимонные сады. На заводе розовых масел работы не было и не предвиделось. Кирпичников решил обождать.

Прошел монотонный месяц. Кругом жили глупые люди: работа, еда, сон, ежевечернее развлечение, абсолютная вера в Бога и в мировое первенство своего народа! Очень любопытно! Кирпичников наблюдал, молчал и терпел, друзей никаких не имел.

Адреса своего Кирпичников дома не оставил, записки тоже, однако то, что он отправился в Америку, на родине было известно. Кирпичников, как всегда, внимательно

читал газеты, и однажды увидел в «Чикагском ораторе» следующее объявление:

Мария Кирпичникова просит своего бывшего мужа Михаила Кирпичникова вернуться на родину, если ему дорога жизнь жены. Через три месяца Кирпичников жену в живых не застанет. Это не угроза, а просьба и предупреждение. Эфирный тракт открыт древними обитателями тундры.

Кирпичников вскочил, бросился к машине и закрыл клапан паропровода. Машина остановилась.

Сейчас же зазвонил телефон:

— Алло! В чем дело, механик?

— Посылайте смену до срока! Ухожу!

— Алло! В чем дело? Куда уходите? Что за шутки дьявола? Пустите сейчас же насос, иначе взыщем убытки! Алло, вы слушаете? Достаточно ли у вас долларов для уплаты штрафа? Я звоню в полицию!

— Убирайся к черту, двенадцатилетний дурак! Я предупредил — я ухожу без расчета!

Кирпичников выбежал по мостику с плавучего понтона, на котором помещалась установка, и пустился по долине Квебека на запад, не успевая думать. Солнце жалило зноем, горизонт закрыт горами, подошвы которых устланы тучными плантациями, и жаль было, что великолепные плоды земли превращались в конечном счете в темную глупость и бессмысленное наслаждение человека.

* * *

Снова пошли дни, мучительные поиски заработка, тысячи затруднений и приключений. Описание даже обычного дня человека заняло бы целый том, описание дня Кирпичникова — четыре тома. Жизнь — в работе молекул; никто еще не уяснил себе, ценою каких трагедий и катастроф согласуется бытие молекул в теле человека и создается симфония дыхания, сердцебиения и размышления. Это неизвестно. Потребуется изобретение нового научного метода, чтобы его заостренным инструментом просверлить скважины

в пучинах нутра человека и посмотреть, какая там страшная работа.

Снова океан. Но Кирпичников уже не кочегар на судне, а пассажир. В Нью-Йорке он попал в мертвую хватку голода. Работы не было, и он вышел из бедствия лишь случайно. Еще в студенческие годы он изобрел однажды точный регулятор напряжения электрического тока. После недельной сплошной голодовки он начал обходить тресты и предприятия с предложением своего изобретения.

Наконец Западная индустриальная компания купила у него проект регулятора. Однако его заставили изготовить рабочие чертежи всех деталей. Кирпичников просидел над этим делом два месяца и получил всего двести долларов. Это его спасло.

Вез его океанский пароход «Гамбург — Америка Линии» со средней скоростью шестьдесят километров в час. Кирпичников знал свою жену и был уверен, что если он не успеет к сроку домой — она будет мертвой. Самоубийства он не допускал, но что же это будет? Он слышал, что в старину люди умирали от любви. Теперь это достойно лишь улыбки. Неужели его твердая, смелая, радующаяся всякой чепухе жизни Мария способна умереть от любви? От старинной традиции не умирают, тогда отчего же она погибнет?

Размышляя и томясь, Кирпичников блуждал по палубе. Он заметил прожектор далекого встречного корабля и остановился.

— А чем, в сущности, плохо умереть от любви? Разве лучше погибнуть от старости — от того, что в тебе слишком много развелось смертоносных микробов, а живоносные устали! Нет, любовь великодушней фагоцитов и сильнее их. Она бьет насмерть молодость, а старика немудрено уложить!

Вдруг сразу похолодало на палубе — начал бить страшный северный ветер, потом на судно нахлобучилась водяная глыба и в один миг сшибла с палуб и людей, и вещи, и судовые принадлежности. Судно дало крен почти в 45° к зеркалу океана. Кирпичников уцелел случайно, попав ногой в люк.

Воздух и вода гремели и выли, густо перемешавшись, разрушая судно, атмосферу и океан.

Стоял шум гибели и жалкий визг предсмертного отчаяния. Женщины хватали ноги мужчин и молили о помощи. Мужчины их били кулаками по голове и спасались сами.

Катастрофа наступила мгновенно, и, несмотря на высокую дисциплину и мужество команды, ничего существенного по спасению людей и судна сделать было нельзя.

Кирпичникова сразу поразила не сама буря и мертвая стена воды, а мгновенность их нашествия. За полминуты до них океан имел штиль и все горизонты были открыты. Пароход заревел всеми гудками, радио заискрило тревогу, началось спасение смытых пассажиров. Но вдруг буря затихла, и судно мирно закачалось, нащупывая равновесие.

Горизонт открылся, в километре шел европейский пароход, сияя прожекторами и спеша на помощь.

Мокрый Кирпичников сутился у катера, налаживая отказывающийся работать мотор. Он не вполне сознавал, как попал к катеру. Но катер необходимо спустить немедленно: в воде захлебывались сотни людей. Через минуту мотор заработал: Кирпичников зачистил его окислившиеся контакты — в этом была вся причина.

Кирпичников влез в кабинку катера и крикнул: отдавай блоки!

В эту минуту непроницаемый едкий газ затянул все судно, и Кирпичников не мог увидеть своей руки. И сейчас же он увидел падающее, одичалое, нестерпимо сияющее солнце и сквозь треск своего рвущегося мозга услышал на мгновенье неясную, как звон Млечного Пути, песню и пожалел о краткости ее.

* * *

Правительственное сообщение, помещенное в газете «Нью-Йорк таймс», было передано из-за границы Телеграфным агентством СССР:

В 11 часов 15 мин. 24/IX с/г под 35° 11' сев. шир. и 62° 4' вост. долготы затонули американское пассажирское судно «Калифорния» (8 485 человек, считая команду) и германское судно «Клара» (6 841 чел. с командой), шедшее на помощь первому. Точные причины не выясне-

ны. Надлежащее следствие ведется обоими правительствами. Спасенных и свидетелей катастрофы нет. Однако главную причину гибели обоих судов следует считать точно установленной: на «Калифорнию» вертикально упал болид гигантских размеров. Этот болид увлек корабль на дно океана; образовавшаяся воронка засосала также и «Клару».

По мере хода следствия и подводных изысканий, публика будет своевременно и полностью информирована.

Сообщение было перепечатано во всех газетах мира. Наибольшее страдание оно доставило не сиротам, не невестам, не женам и родственникам погибших, а Исааку Матиссену, директору Кочубаровской опытно-мелиоративной станции, близ поселения Волошино, Воронежского округа, Центрально-Черноземной области.

— Ну что, голова! Достиг вселенской мощи — наслаждайся теперь победой! — шептал Матиссен самому себе с тем полным спокойствием, которое соответствует смертельному страданию. И только пальцами он зря крошил хлеб, скатывал ядрышки и сшибал их щелчками со стола на пол.

— Ведь, по сути и справедливости, я ничего и не достиг. Я только испытал новый способ управления миром и совсем не знал, что случится! — Матиссен встал, вышел на ночной двор и крикнул собаку: — Волчок! Эх ты, тварь кобелястая! — Матиссен погладил подбежавшую собаку. — Верно, Волчок, что сердце наше — это болезнь? А? Верно, ведь, что сентиментальность — гибель мысли? Ну, конечно, так! Разрубим это противоречие в пользу головы и пойдем спать!

Матиссен закричал через забор в открытое поле, пугая невидимых, но возможных врагов. Волчок заскулил — и оба разошлись спать.

Хутор затих. Тихо шептала речонка в долине, подвигая свои воды к далекому океану, и в Кочубарове-селе отсекал исходящий газ двигатель электростанции. Там люди глубоко спали, не имея родственников ни на «Калифорнии», ни на «Кларе».

Матиссен тоже спал — с помертвелым лицом, оловянным утихим сердцем и распахнутым зловонным ртом. Он никогда не заботился ни о гигиене, ни о здоровье своей личности.

Проснулся Матиссен на заре. В Кочубарове чуть слышно пели петухи. Он почувствовал, что ему ничего не жалко: значит, окончательно умерло сердце. И в ту же минуту он понял, что ему ничто не интересно и то, чего он добился — не нужно ему самому. Он узнал, что сила сердца питает мозг, а мертвое сердце умерщвляет ум.

В дверь постучался ранний гость. Вошел знакомый крестьянин Петропавлушкин.

— Я к вам от нашей коммуны пришел, Исаак Григорьевич! Вы не обижайтесь, я сам по званию и по науке помощник агронома и суеверия не имею!..

— Говори короче, в чем твое дело? — подогнал его Матиссен.

— Наше дело в том, что вы слово особое знаете и им пользу большую можете делать. Мы же знаем, как от вашей думы машины начинают работать...

— Ну, и что же?

— Нельзя ли, чтобы вы такую думу подумали, чтоб поля круче хлеб рожали...

— Не могу, — перебил Матиссен, — но, может быть, открою, тогда помогу вам. Вот камень с неба могу бросить на твою голову!..

— Это ни к чему, Исаак Григорьевич! А ежели камень можете, то почва ближе неба...

— Дело не в том, что почва ближе...

— Исаак Григорьевич, а я вот читал, корабли в океане утонули, тоже от небесного камня. Это не вы американцев удружили?

— Я, товарищ Петропавлушкин! — ответил Матиссен, не придавая ничему значения.

— Напрасно, Исаак Григорьевич! Дело не мое, а полагаю, что напрасно!

— Сам знаю, что напрасно, Петропавлушкин! Да что же делать-то? Были цари, генералы, помещики, буржуи были, помнишь? А теперь новая власть объявилась — ученые. Злое место пустым не бывает!

— А я того не скажу, Исаак Григорьевич! Если ученье со смыслом да с добросердечностью сложить, то, я полагаю,

и в пустыне цветы засияют, а злая наука и живые нивы песком закидает!

— Нет, Петропавлушкин, чем больше наука, тем больше ее надо испытывать. А чтоб мою науку проверить, нужно целый мир замучить. Вот где злая сила знания! Сначала уродую, а потом лечу. А может быть, лучше не уродовать, тогда и лекарства не нужно будет...

— Да разве одна наука уродует, Исаак Григорьевич? Это пустое. Жизнь глупая увечит людей, а наука лечит!

— Ну, хотя бы так, Петропавлушкин! — оживился Матиссен. — Пускай так! А я вот знаю, как камни с неба на землю валить, знаю еще кое-что, похуже этого! Так что же меня заставит не делать этого? Я весь мир могу запугать, а потом овладею им и воссяду всемирным императором! А не то — всех перекрошу и пущу газом!

— А совесть, Исаак Григорьевич, а общественный инстинкт? А ум ваш где же? Без людей вы тоже далеко не уплывете, да и в науке вам все люди помогали! Не сами же вы родились и разузнали сразу все!

— Э, Петропавлушкин, на это можно высморкаться! А ежели я такой злой человек?

— Злые умными не бывают, Исаак Григорьевич!

— А по-моему, весь ум — зло! Весь труд — зло! И ум и труд требуют действия и ненависти, а от добра жалеть да плакать хочется...

— Несправедливо вы говорите, Исаак Григорьевич! Я так непривычен, у меня аж в голове шумит!.. Так наша коммуна просит помощи, Исаак Григорьевич! Очень земля истощена, никакой фосфат уже не утучняет. Вам думу почве передать не трудно, а нам жизнь от этого! Уж вы, пожалуйста, Исаак Григорьевич! Вон как прелестно у вас: подошел, подумал что следует — и машина воду сама погнала! Так бы и нам материнство в почву дать! До свиданья, пока!

— Ладно. Прощай! — ответил Исаак Григорьевич.

«А этот человек умен, — подумал Матиссен, — он почти убедил меня, что я выродок!»

Затем Матиссен окончательно оделся и перешел в другую комнату. В ней стоял плоский и низкий стол размером 4 x 2

метра. На столе помещались приборы. Матиссен подошел к самому маленькому аппарату. Он включил в него ток от аккумуляторов и лег на пол. Сейчас же он потерял ясное сознание, и его начали терзать гибельные кошмары почти смертельной мощи и почти физически разрушающие мозг. Кровь переполнялась ядами и зачерняла сосуды; все здоровье Матиссена, все скрытые силы организма, все средства его самозащиты были мобилизованы и боролись с ядами, приносимыми кровью, обращающейся в мозг. А сам мозг лежал почти беззащитным под ударами электромагнитных волн, бьющих из аппарата на столе.

Эти волны возбуждали особые мысли в мозгу Матиссена, а мысли стреляли в космос особыми сферическими электромагнитными бомбами. Они попадали где-то, может быть в глуши Млечного Пути, в сердце планет и расстраивали их пульс, — и планеты сворачивали с орбит и гибли, падая и забываясь, как пьяные бродяги.

Мозг Матиссена был таинственной машиной, которая пучинам космоса давала новый монтаж, а аппарат на столе приводил этот мозг в действие. Обычные мысли человека, обычное движение мозга бессильны влиять на мир, для этого нужны вихри мозговых частиц — тогда мировое вещество сотрясает буря.

Матиссен не знал, когда начинал опыт, что случится на земле или на небе от его нового штурма. Тем чудесным и неповторимым строением электромагнитной волны, которую испускал его мозг, он еще не научился управлять. А именно в особом строении волны и был весь секрет ее могущества; именно это било мировую материю по самому нежному месту, и от боли она сдавалась. И такие сложные волны мог давать только живой мозг человека лишь при содействии мертвого аппарата.

Через час особые часы должны прервать ток, питающий мозговозбудительный аппарат на столе, и опыт прекратится.

Но часы остановились: их забыл завести Матиссен перед началом опыта. Ток неумолимо питал аппарат, и аппарат тихо гудел в своем труде.

Прошло два часа. Тело Матиссена таяло пропорционально квадрату количества времени. Кровь из мозга поступала сплошной лавой трупов красных шариков. Равновесие в теле нарушилось. Разрушение брало верх над восстановлением. Последний невероятный кошмар вонзился в еще живую ткань мозга Матиссена, и милосердная кровь погасила последний образ и последнее страдание. Черная кровь бурей ворвалась в мозг через разорванную вену и затормозила пульсирующее боевое сердце. Но последний образ Матиссена был полон человечности: перед ним встала живая измученная мать, из глаз ее лилась кровь, и она жаловалась сыну на свое мучение.

В девять часов утра Матиссен лежал мертвым — с открытыми белыми глазами, с руками, вьевшимися ногтями в пол в борющемся исступлении.

Аппарат усердно гудел и остановился только к вечеру, когда иссякла энергия в аккумуляторе.

Весь день мимо дома Матиссена бежали упряжки лошадей и полуторатонные грузовики — возить отаву с лугов, заготавливать впрок корм скоту.

Петропавлушкин водил автомобиль-грузовичок, улыбался мировому пространству в полях и успокоительно думал о пользе добросердечной науки, коей он сам немалый соучастник.

* * *

Через два дня «Известия» в отделе «Со всего света» напечатали информацию Главной астрономической обсерватории.

В созвездии Гончих Псов при ясном небе вторые сутки не обнаруживается альфа-звезда.

В Млечном Пути на 4-й дистанции (9-й сектор) образовалось пустое пространство — разрыв. Его земной угол = $4^{\circ} 71'$. Созвездие Геркулеса несколько смещено, вследствие чего вся солнечная система должна изменить направление своего полета. Столь странные явления, нарушившие вековое строение неба, указывают на относительную хрупкость и непрочность самого космоса. Обсерваторией ведутся усиленные наблюдения, направленные к отысканию причин этих аномалий.

В дополнение к этому обещалась беседа в ближайшем номере с академиком Ветманом. Из других телеграмм с одной четвертой земного шара (тогдашние размеры СССР) не явствовало, чтобы Земля потерпела что-либо существенное от звездных катастроф, исключая петитную информацию с Камчатки:

На горы село небольшое небесное тело, около 10 километров в поперечнике. Строение его неизвестно. Форма — сфероид. Тело прилетело с небольшой скоростью и плавно приземлилось к вершинам гор. В бинокли видны огромные кристаллы на его поверхности. Местным Обществом Любителей Природоведения снаряжена экспедиция для предварительного изучения опустившегося тела. Но экспедиция не может дать быстрых результатов: горы почти неприступны. Из Владивостока затребованы аэропланы. Сегодня в направлении небесного тела пролетела небольшая эскадрилья японских аэропланов.

На следующий день эта заметка превратилась в сенсацию и странному событию была посвящена статья в триста строк академика Ветмана.

В тот же день «Беднота» сообщила о смерти инженера-агронома Матиссена, известного в кругах специалистов работника по оптимальному режиму влаги в почве.

И только помощнику агронома в Кочубарове Петропавлушкину, выписывавшему и «Известия» и «Бедноту», пришла в голову нечаянная мысль о связи трех заметок: Матиссен умер — на Камчатские горы села планетка — одна звезда пропала и лопнул Млечный Путь. Но кто поверит такому деревенскому бреду?

Хоронили Матиссена торжественно. Почти вся Кочубаровская сельскохозяйственная коммуна шла за его трупом. Земледелец издревле любит странников и чудородных людей. А молчаливый одинокий Матиссен был из таких — это явно чувствовали в нем все. Последний ободок волос на лысом черепе Матиссена осыпался, когда гроб резко толкнули неловкие руки. Это удивило всех крестьян, и к мертвому Матиссену прониклись еще большей жалостью и уважением.

Похороны Матиссена совпали с концом работ подводной экспедиции, отправленной правительствами Америки и Германии для отыскания затонувших «Калифорнии» и «Клары».

Снимаясь с места катастрофы, экспедиция отправила радио в Нью-Йорк и Берлин:

Считать установленным точной разведкой — живая сила болида была титанически велика: «Калифорния» и «Клара» загнаны болидом глубоко в дно океана и сам болид утонул в недрах океанического ложа. В месте катастрофы образовалась впадина диаметром в сорок километров, с наибольшей глубиной, считая от прежнего уровня дна, в 2,55 километра. Только подводное бурение может указать глубину залегания всех трех тел — «Калифорнии», «Клары» и самого болида. Надо ожидать сильной деформации изыскиваемых предметов.

В ответ на это оба правительства телеграфировали:
«Бурите дно океана. Соответствующие кредиты открыты».

Экспедиция послала одно из своих судов за добавочным оборудованием для буровых подводных работ, а через две недели начала бурение.

Петропавлушкин был селькором «Бедноты». Наука держала мир в панике сенсаций. Каждый день манифесты ее открытий занимали половину ежедневной прессы. Было время: веселился воин, потом торжествовал богач, а теперь настало время ученого героя и ликующего знания. В науке поместилось ведущее начало Истории.

В стороне от науки стоять не было терпения, и Петропавлушкин написал в «Бедноту» корреспонденцию, которая должна дать ему внутреннее удовлетворение соучастника всемирной науки.

Девять дней его терзала догадка, потом она превратилась в теплое убеждение, греющее мозг.

Корреспонденция называлась «Битва человека со всем миром»:

Ученый инженер и агроном Исаак Григорьевич Матиссен, что умер на днях, как то известно читателям, изобрел такие мысли, что они сами

по себе могли кидать метеоры на землю. Перед смертью, когда тело его было горячо, Исаак Григорьевич говорил мне, что он и не то будет еще делать. Американский корабль утонул тоже по его власти. А я ему отсоветовал так отягощаться бедой. Но он насмеялся над здравым смыслом полунаучного человека (я имею степень помощника агронома по полеводству). И вот я уверился, что Млечный Путь лопнул от мыслей Исаака Григорьевича. Смешно говорить, но он умер от такого усилия. У него жилы лопнули в голове и произошло кровоизлияние. Кроме Млечного Пути, Исаак Григорьевич навеки испортил одну звезду и совлек Солнце с Землею с их спокойного гладкого пути. От этого же, я так думаю, и какая-то планета отчего-то прилетела на Камчатские полуострова.

Но дело прошлое. Теперь Исаак Григорьевич умер и только зря поломал мировое благонадежное устройство. А мог бы он и добро делать, только не захотел отчего-то и умер.

Я освещаю этот мировой факт и требую к нему доверия, потому что я очевидец всему. Доказательство тому — мой предварительный разговор с Исааком Григорьевичем перед его уединенной смертью.

Разгадка теперь дана всем малосведущим, и факт стал фактом во всеуслышание.

Долой злые тайны, и да здравствует сердечная наука!

Селькор и помощник участкового агронома по полеводственной дисциплине Петропавлушкин.

В редакции «Бедноты» посмеялись над таким доносом на мертвого и написали товарищу Петропавлушкину теплое письмо, полное разубеждения, пообещав прислать ему такие книги, которые его сразу вылечат от идеалистического сумбура.

Петропавлушкин обиделся и перестал писать корреспонденции. Потом одумался, разозлился и написал открытку:

Граждане! Редакторы-издатели! Полученный человек сообщил вам факт, а вы не поверили, будто я совсем не ученый. Прошу опомниться и поверить хоть на сутки, что мысль не идеализм, а твердое могучее вещество. А все мироздания с виду прочны, а сами на волосках держатся. Никто волоски не рвет, они и целы. А вещество мысли толкнуло, все и порвалось. Так о чем же речь и насмеяние фактов? Вселенский мир это вам не бумажная газета. Остаюсь с упреком — быв. селькор Петропавлушкин.

Мария Александровна Кирпичникова прочитала в списке погибших на «Калифорнии» имя своего мужа. Она знала, что он к ней вернется, теперь узнала, что его нет на свете.

Она его не видела двенадцать месяцев, а теперь не увидит никогда.

— Кончена жизнь! — вслух сказала она и подошла к окну.

— Что, мама? — спросил пятилетний сын, возившийся с кошкой.

— Лето кончается, сынок! Видишь, падают листья на улице!

— А отчего ты плачешь? Папа не приедет?

— Приедет, милый!..

— Тебе жалко его? Ты ему большую книжку купила?

— А ты забыл свое стихотворение? Ну-ка, повтори!

Мальчик поднялся с пола и единым духом выговорил, боясь остановиться и забыть:

Рыжий шофер очень важен,
Ахтобузик он ведет.
Ехать быстро очень страшно;
Дядя денежки берет...
По Лубянке к Театралке
Мчитса громко ахтобус.
Нам людей давить не жалко,
По уставу незнакома
Пионеру грусть.

Мальчик говорил важно и про себя думал, что он шофер. Мать его начала обнимать и уговаривать лечь поспать, чтобы не быть вечером дохлым. Мальчик сопротивлялся и сам ласкал мать, жадно и сознательно, как взрослый.

— Ляжь, поспи, мальчик! Папа скорей приедет!

— Не ври, мамка! Сколько раз спал, а он все не едет!

— Ну ты так ляжь — полежи! А то к бабушке отправлю, как Левочку, скучать по мне будешь! Поедешь к бабушке?

— Не поеду я!

— Почему?

— Мне там скучно будет, а без меня папа придет!

И все же мальчик улегся спать — мать знает, как это сделать. Мария Александровна посмотрела на ребенка — лицо его стало мирным и необыкновенным, вызывающим жалость и новые силы любви. Кажется, пусть только проснется он — и все станет новым, и мать его никогда не обидит. Но это был только милый обман образа спящего беззащитного ребенка: просыпался мальчик снова маленьким бандитом и изувером, и даже мебель от него уставала.

Оставшись в покое, Мария Александровна решила неуклонно жить. Но она понимала, что теперь всю энергию своего сознания она должна бросить на то, чтобы урегулировать свое плачущее любящее сердце. И только тогда она устоит на ногах, иначе можно умереть во сне.

Спать она боялась ложиться: отдыхающий беззащитный мозг могут растерзать дикие образы ее неутомимого несчастья. Она знала, что в спящем человеке разводятся страшные образы, как сорняки в некультурных заброшенных полях.

И грядущая ночь ей была непостижимо страшна.

Как женщина, как человек, она хотела бы иметь горсть пепла от праха своего мужа. Отвлеченная могила под дном океана не давала веры в настоящую смерть, но темным инстинктом она была убеждена, что Михаил уже не дышит воздухом земли.

Спящий Егорушка до привидения напоминал ей мужа. Отсутствовали только морщины и складки утомления у рта.

Мария Александровна не совсем понимала мужа: ей непонятна была цель его ухода из дома. Она не верила, что живой человек теплое достоверное счастье может променять на пустынный холод отвлеченной одинокой идеи. Она думала, что человек ищет только человека, и не знала, что путь к человеку может лежать через стужу дикого пространства. Мария Александровна предполагала, что людей разделяют лишь несколько шагов.

Но ушел Михаил, а потом умер в далеком плавании, ища драгоценность своей затаенной мысли. Мария Александровна, конечно, знала, чего ищет ее муж. Она понимала смысл изобретения размножения материи. И в этой области хотела

помочь мужу. Она купила ему десять экземпляров большого труда — перевод символов только что найденной в тундре книги, изданной под именем «Генерального сочинения». В Аюнии, вероятно, сильно было развито чтение: этому способствовала тьма восьмимесячной ночи и уединенность жизни аюнитов.

При строительстве второго вертикального термического туннеля, когда Кирпичников уже пропал, строители обнаружили четыре гранитных плиты с символами на них, исполненные крупным рельефом. Символы были того же начертания, что и в ранее найденной книге «Песни Аюны», поэтому легко поддались переложению на современный язык.

Плиты-писанцы, вероятно, были памятником и завещанием философа-аюнита, но в них содержались мысли на сокровенное содержание природы. Мария Александровна исчитала всю книгу и нашла ясные намеки на то, что искал ее муж по всей пустой земле. Далекий мертвый человек давал помощь ее мужу, ученому и бродяге, давал помощь счастьем женщины и матери.

И вот тогда Мария Александровна дала объявления в пять американских газет.

Она изучила на память нужные места в «Генеральном сочинении», боясь утратить как-нибудь книги и не встретить Михаила с наилучшей для него радостью.

Лишь живое познается живым, — писал аюнит, — мертвое непостижимо. Неимоверное нельзя измерить достоверным. Именно посему мы познали отчетливо такое далекое, как азны*, и нам осталось мало известным такое близкое, как мамарва**. Это потому, что первое живет, как ты живешь, а второе — мертво, как Муйя***. Когда азны шевелились в прое****, сначала мы видели в этом механическую силу, а потом с радостью открыли в азнах жизнь. Но центр прои, полный мамарвы, был веками загадкой, пока мой сын достоверно не показал, что центр прои состоит из тех же азов, только мертвых. И, мертвые, они служат пищей живым. Стоило сыну моему извлечь из прои ее середину, как

* Соответствует электронам. (Примеч. переводчиков и излагателей.)

** Соответствует материи. (Примеч. пер. и изл.)

*** Неизвестный образ. (Примеч. пер. и изл.)

**** Соответствует атому. (Примеч. пер. и изл.)

все живые аэны погибли от голода. Так вышло, что центр проиы есть амбар пици для живых аэнов, пасущихся вокруг этой обители трупов своих предков, чтобы пожирать их. Так просто и сияюще истинно была открыта природа всей мамарвы. Вечная память моему сыну. Вечная скорбь его имени! Вечное почитание его утомленному образу!

Это Мария Александровна знала наизусть, как ее сын стихотворение про рыжего важного шофера.

Остальная часть «Генерального сочинения» содержала учение об истории аюнитов — о ее начале и близком конце, когда аюниты найдут свой зенит во времени и в природе, когда все три силы — народ аюнитов, время и природа — придут в гармоническое соотношение и их бытие втроем зазвучит как симфония.

Это Марию Александровну мало интересовало. Она искала равновесие своего личного счастья и не вполне осваивала откровения неведомого аюнита.

И только последние страницы книги заставили ее вздрогнуть и забытья в удивленном внимании.

«...Ныне это так же стало возможным, как было в эпоху детства моей родины. Тогда возмутились пучины Материнского океана* и океан начал заливать нашу землю жесткой мерзлой водой, перемешанной с глыбами льда. Вода ушла, а льды остались. Они долго ползли по холмам нашей просторной земли, пока не стерли их и наша родина не превратилась в бесплодную равнину. Лучшие плодородные почвы на холмах были срезаны льдом, и народ остался в голодном поле. Но беда лучший наставник, а катастрофа народа — организатор его, если еще не обеспожена его кровь долгой жизнью на земле. Так и тогда: льды разрушили плодоносную землю, лишили наших предков питания и размножения, и гибель опустилась над головою народа. Горячий поток в океане, отапливавший страну, начал удаляться на север, и стужа завыла над той землей, где цвели сумрачные аргоны. На севере нас сторожил хаос мертвых льдов, на юге лес, набитый темною тучей мощных зверей, наполненный свистом мрачных гадов и пересеченный целыми реками яда зундры**. Народ аюны, народ мужества и чувства уважения к своей судьбе, начал себя умерщвлять, закапывая свои книги — высший дар аюны — в землю, око-

* Северного Ледовитого. (Примеч. редактора.)

** Испражнения гигантских змей. (Примеч. ред.)

вав их золотом, пропитав листы составом вены, дабы они могли уцелеть вечность и не сгнить.

Когда половина народа была покорена смертью и лежала трупами, явился Эйя — хранитель книг — и пошел бродить по опустевшим дорогам и замолкающим жилищам. Он говорил: у нас отнято материнство почвы, погасает теплота воздуха, лед скребет нашу родину и горе тушит мудрость ума и мужество. У нас остался только свет солнца. Я сделал аппарат — вот он! Страдание научило меня терпению, и дикие годы отчаяния народа я сумел плодотворно использовать. Свет — сила терзаемой мамарвы*, свет — стихия азнов; мощь азнов сокрушительна. Мой аппарат превращает потоки солнечных азнов в тепло. И не только свет солнца, но и луны и звезды я могу своей простой машиной превратить в тепло. Я могу получить огромное количество тепла, которым можно расплавить горы. Нам теперь не нужен теплый поток океана, чтобы греть нашу землю!

Так Эйя стал водителем жизни и началом новой истории аюны. Его аппарат, состоявший из сложных зеркал, преобразующих свет неба в тепло и в живую силу металла**, и поныне служит источником народной жизни и довольства.

Равнины родины расцвели, и родились новые дети. Прошел эн***

Организм человека был исчерпан. Даже молодой мужчина не мог производить семени, даже сильнейший разум перестал рождать мысль. Долины родины покрылись сумраком последнего отчаяния — человек дошел до предела в самом себе, — аюна, солнце нашего сердца, закаты-валась навсегда. Перед этим льды были ничто, холод — ничто, смерть — ничто. Человек питался одним презрением к себе. Он не мог ни любить, ни мыслить и даже не мог страдать. Источники жизни иссякли в недрах тела, потому что они были выпиты. У нас были горы пищи, дворцы уюта и кристаллические книгохранилища. Но не было больше судьбы, не стало живости и жара в теле, и затмились надежды. Человек — рудник, но руда была выработана вся, остались пустынные шахты.

Хорошо погибнуть на крепком корабле в диком океане, но плохо насмерть захлебнуться пищей.

Так было долго. Целое поколение не познало молодости.

Тогда мой сын Рийго нашел исход. Чего не могло дать естество, то дало искусство. Он сохранил остатки живого мозга в себе и сказал нам, что судьба наша кончается, но еще можно открыть ей двери — нас ждет ясный день. Решение было просто: электромагнитное русло****.

* Изменяющейся материи материи. (Примеч. ред.)

** Вероятно, электричество. (Примеч. ред.)

*** Очень длительный промежуток времени. (Примеч. ред.)

**** В подлиннике: труба для живой силы металла. (Примеч. ред.).

Рийго провел из пространства пищепровод к азнам нашего мрачного тела, пустил по этому пищепроводу потоки мертвых аэнов^{*}, и аэны нашего тела, получив избыток пищи, ожили. Так были воскрешены наш мозг, наше сердце, наша любовь к женщине и наша аюна. Но больше того: дети росли скорее в два раза и жизнь в них пульсировала, как сильнейшая машина. Все остальное — сознание, чувство и любовь — выросло в страшные стихии и напугало отцов. История перестала шествовать и начала мчаться. И ветер судьбы бил нас в незащищенное лицо великими новостями мысли и поступков.

Изобретение моего сына, как все замечательное, имеет серое лицо. Рийго взял два центра прои, наполненные трупами аэнов, и поместил в одну прою. Тогда живые аэны прои стали быстро размножаться, и вся проя выросла в пять раз в десять дней. Причина видна и невзрачна: аэны стали больше питаться, потому что запас их пищи увеличился в два раза.

Так Рийго развел целые колонии сытых, быстрорастущих, неимоверно множащихся аэнов. Тогда он взял обыкновенное тело — кусок железа — и мимо него, лишь касаясь железа, начал излучать в направлении звезд поток сытых аэнов, разведенных в колониях. Сытые аэны не перехватывали для пищи трупы своих предков^{**}, и они свободно текли к куску железа, где их ждали голодные аэны. И железо начало расти на глазах людей, как растение из земли, как ребенок в животе матери.

Так искусство моего сына оживило человека и начало выращивать вещество.

Но победа всегда подготавливает поражение.

Искусственно откормленные аэны, имея более сильное тело, стали нападать на живых, но естественных аэнов и пожирать их.

А так как при всяком превращении вещества есть неустрашимые потери, то пожранный маленький аэн не увеличивал тела большого аэна настолько, сколько имел сам, когда был живой. Так вещество то там, то здесь — всюду, куда попадали откормленные аэны^{***}, — начало уменьшаться. Искусство Рийго не смогло сделать пищепровод для всей земли, и вещество таяло. Только там, куда был проложен тракт для потока трупов электронов^{****}, вещество росло. Эфирными трактами были снабжены люди, почва и главнейшие вещества для нашей жизни. Все остальное

* Соответствует эфиру. (Примеч. ред.)

** То есть эфир. (Примеч. ред.)

*** Электроны, — дальше пользуемся этим современным термином. (Примеч. ред.)

**** Эфирный тракт. (Примеч. ред.)

уменьшилось в своих размерах, вещество сгорало, мы жили за счет разрушения планеты.

Рийго исчез из дома. В Материнском океане начала пропадать вода. Рийго знал причину исчезновения влаги и вышел встречать противника. Однажды откормленное и воспитанное им, племя электронов работой времени и естественным отбором достигло того, что каждый электрон равнялся облаку по объему тела.

В неистовой свирепости шли тучи электронов из недр Материнского океана, колтыхаясь, как горы при землетрясении, дыша, как могучие ветры. Аюна будет выпита ими, как обычная вода! Рийго пал. Нельзя вытерпеть взгляд электрона. Гнусна будет смерть от ужаса, но нет спасения больше аюне. Рийго давно пал в безвестность, как камень в колодезь. Слишком медленно идут эти космические звери. Но слишком быстро прошли они путь от частички проири до живой горы. Я думаю, они тонут в земле, как в твороге, потому что тело их тяжелее свинца. Наверно, Рийго пал не зря, а имея решение и способ победить неизвестные элементарные тела. В быстром росте, в бешеном действии естественного отбора — сила электрона. В этом и слабость их, потому что ясно указывает на предельную простоту их психики и физиологической организации, а стало быть, обнаруживает беззащитное уязвимое место. Рийго постиг эту очевидность, но убит лапой электрона, тяжелой, как пласт платины...

Мария Александровна поникла над книгой, Егорушка спал, часы пробили двенадцать ночи — самый страшный час одиночества, когда спят все счастливые.

— Неужели так труден корм человеку? — громко сказала Мария Александровна. — Неужели всегда победа — предвестник поражения?

Тишина в Москве. Последние трамваи спешат в парк, искря контактами.

— Тогда какой победой возместится мрачная смерть моего мужа? Какая душа мне заменит его сумрачную потерянную любовь?

И она загорелась кипящей скорбью и заплакала слезами, убивающими тело скорее, чем льющаяся кровь. Ее мысль металась в кошмаре: гул живых мрачных электронов терзал мудрую беззащитную Аюну, реки зеленого яда зундры заливали цветущую тундру, и в зеленой влаге плыл, томясь и

захлебываясь, Михаил Кирпичников, ее единственный друг, утраченный на веки веков.

* * *

В Серебряном бору, близ крематория, стояло здание нежного архитектурного стиля. Оно исполнено было как сфероид — образ космического тела, но не касалось земли, удерживаемое пятью мощными колоннами. От высшей точки сфероида уходила в небо телескопическая колонна — в знак и в угрозу мрачному стихийному миру, отнимающему живых у живущих, любимых у любящих, — в надежде, что мертвые будут отняты у вселенной силою восходящей науки, воскрешены и возвратятся к живым.

Это был Дом воспоминаний, где стояли урны с пеплом погибших людей.

Седая, и от старости прекрасная, женщина вошла с юношей в Дом.

Тихо прошли они в дальний конец огромного зала, освещенного тихим синим светом памяти и тоски.

Урны стояли в ряд, как некие светильники с потухшим светом, освещавшие некогда неизвестную дорогу.

На урнах были прикреплены мемориальные доски.

Андрей Вогулов. Пропал без вести в экспедиции по подводному исследованию Атлантиды.

В урне нет праха — лежит платок, смоченный его кровью во время ранения на работах на дне Тихого океана. Платок доставлен его спутницей.

Петер Крейцкопф, строитель первого снаряда для достижения Луны. Улетел в своем снаряде на Луну и не возвратился. Праха в урне нет. Сохраняется его детское платье. Честь великому технику и мужественной воле!

Седая женщина, сияющая удивительным лицом, прошла с юношей дальше.

Они остановились у крайней урны.

Михаил Кирпичников, исследователь способа размножения материи, сотрудник доктора физики Ф. К. Попова, инженер. Погиб на «Кали-

форнии» под упавшим болидом. В урне нет праха. Хранится его работа по искусственному кормлению и выращиванию электронов и прядь волос.

Внизу висела вторая малая доска:

Чтобы найти пищу электронам, он потерял свою жизнь и душу своей подруги. Сын погибшего осуществит дело отца и возвратит матери сердце, растраченное отцом. Память и любовь великому искателю!

Бывает старость как юность: ожидающая спасения в чудесной опоздавшей жизни.

Мария Александровна Кирпичникова утратила молодость напрасно, теперь ее любовь к мужу превратилась в чувство страстного материнства к старшему сыну Егору, которому шел уже двадцать пятый год. Младший сын Лев учился, был общителен, очень красив, но не возбуждал в матери того резкого чувства нежности, бережности и надежды, как Егор.

Егор лицом напоминал отца — серое, обычное, но необычайно влекущее скрытой значительностью и бессознательной силой.

Мария Александровна взяла Егора за руку, как мальчика, и пошла к выходу.

В вестибюле Дома воспоминаний висела квадратная золотая доска с серыми платиновыми буквами:

Смерть присутствует там, где отсутствует достаточное знание физиологических стихий, действующих в организме и разрушающих его.

Над входом в Дом висела арка со словами:

Вспоминай с нежностью, но без страдания: наука воскресит мертвых и утешит твое сердце.

Женщина и юноша вышли на воздух. Летнее солнце ликовало над полнокровной землей, и взорам двух людей предстала новая Москва — чудесный город могущественной культуры, упрямого труда и умного счастья.

Солнце спешило работать, люди смеялись от избытка сил и жадничали в труде и в любви.

Всем их обеспечивало солнце над головой — то самое солнце, которое когда-то освещало дорогу Михаилу Кирпичникову в лимонном округе Риверсайд, — старое солнце, которое сияет тревожной страстной радостью, как мировая катастрофа и зачатие вселенной.

* * *

Егор Кирпичников окончил Институт имени Ломоносова и стал инженером-электриком.

Дипломный проект он сдавал на тему: «Лунные возмущения электросферы земли».

Егору мать передала все книги и рукописи отца, в том числе труд Ф. К. Попова, который начисто переписал Михаил Кирпичников после смерти Попова.

Егор познакомился с работами Попова, редкой литературой аюнитов и всеми современными гипотезами по выкармливанию и воспитанию электронов. Что электроны были живыми существами — отпали все сомнения. Область электронов уже твердо определилась как микробиологическая дисциплина. Но до практических выводов еще было далеко. Опыты аюнита Рийго, повторенные в совершенной лабораторной обстановке, не дали положительных результатов. Очевидно, была какая-то неточность в аюнитской литературе. Что-то небольшое, но решающее, было забыто отцом Рийго, и электроны не размножились и не росли телом, как это было у Рийго.

Егор избрал темой своей жизни конечную разгадку вселенной, и он не напрасно, подобно своему отцу, искал первичное чрево мира в межзвездном пространстве — в таинственной жизни электронов, составляющих эфир.

Вскармливание электронов по литературе аюнитского философа он считал неверным решением проблемы и объяснял неудачи лаборатории неточным переводом аюнита.

Егор верил, что, кроме биологического, существует электротехнический способ искусственного размножения веще-

ства, и искал его со всею свежестью и страстью молодости, не тронутой женской любовью.

В это лето Егор рано кончил свою работу в лаборатории профессора Маранда, которому он ассистировал по кафедре Строения Эфира.

Маранд в мае уехал в Австралию к своему другу, астрофизику Товту, и Егор наслаждался отдыхом, летом и собственными нечаянными мыслями.

Отдых — лучшее творчество, — писал когда-то в письме Марии Александровне отец Егора, бродя по тундре вокруг вертикального термического туннеля, где он служил некоторое время производителем работ.

Егор уходил из дому утром. Его нес метрополитен под Красными воротами, под площадью Пяти Вокзалов и выносил далеко за город, за Новые Сокольники, в кислородные рощи. Там шествовал Егор, чувствуя давление крови, свободную вибрацию мозга и острую тоску приближающейся любви.

И раз было так. Егор проснулся — на дворе стоял уже великий торжественный летний день. Мать спала, зачитавшись накануне до глубокой ночи. Егор оделся, прочитал утреннюю газету, прислушался к звенящему напряжению удивительного города и решил куда-нибудь уйти. От отца или давних предков в нем сохранилась страсть к движению, странствованию и к утолению чувства зрения. Быть может, его далекие деды ходили когда-то с сумочками и палочками на богомолье из Воронежа в Киев, не столько ради спасения души, сколько из любопытства к новым местам; может быть, еще что — неизвестно. И Егор посильно удовлетворял свое тревожное чувство бродяги в районе узкого радиуса.

Подземка вынесла Егора за Останкино и там оставила одного. Егор вышел на глухую полевую дорогу, снял шляпу и пробормотал забытое стихотворение, вычитанное в книгах матери:

Среди людей, мне близких и чужих,
Скитаюсь я без цели, без желанья.

Дальше он вспомнить слов не мог, но вспомнил другое:

Любимый твой умер далеко,
Как камень в колодезь упал.
В урне лежит его локон,
А голову он потерял.

Эту песню иногда пела мать Егора, когда ее схватывала тоска о муже и она искала от нее защиты у детей и у простой песенки.

— Так, — сказал себе Егор, — но что же производит эфир? — И лег в траву: — А черт его знает что!

Солнце гладило землю против шерсти — и земля вздымалась травами, лесами, ветрами, землетрясениями и северными сияниями.

Егор небрежно посмотрел на солнце — и сразу горячая волна прошла в его горле и остановилась в голове.

Он поднялся и ничего не мог сообразить.

Как будто его обняла сзади внезапно утраченная любимая женщина и сразу скрылась.

Как в женщину, вонзилась в его сознание сияющая догадка и прополосовала мозг, как падающая звезда. Это было так же странно и безумно, как ребенок хватает сосцы матери, как момент зачатия в девственном теле. Он ощутил страсть и успокоение, как цвет, сбросивший плодотворную пыль в материнское пространство.

Утратив нечаянную мысль, Егор крикнул от досады и пошел прочь со случайного места.

Но потом к нему не спеша возвратились все неясные мысли, как дети со двора, наигравшись и слабо сопротивляясь матери.

* * *

Четвертого января в газете «Интеллектуальный труженик» была напечатана заметка:

Электроцентраль жизни

Молодым инженером Г. Кирпичниковым в лаборатории эфира проф. Маранда производятся в течение ряда месяцев интересные опыты над искусственным производством эфира. В идее работа инженера Кирпичникова заключается в том, что электромагнитное поле высокой частоты

перемен убивает в материи живые электроны; мертвые же электроны, как известно, составляют тело эфира. Высоту технического искусства инженера Кирпичникова можно понять из того, что для убиения электронов нужно переменное поле не менее 10^{12} периодов в секунду.

Высокочастотную машину Кирпичникова представляет само солнце, свет которого разлагается сложной системой интерферирующих поверхностей на составные энергетические элементы: механическую энергию давления, химическую энергию, электрическую и т. д.

Кирпичникову нужна, собственно, одна электрическая энергия, которую он, посредством особого прибора из призм и дефлекторов, концентрирует в очень ограниченном пространстве и достигает нужной частотности.

Электромагнитное поле, по существу, есть колония электронов. Заставляя быстро пульсировать это поле, Кирпичников добился, что живые электроны, составляющие то, что называется полем, погибали; электромагнитное поле превращалось по этой причине в эфир — механическую массу тел мертвых электронов.

Получая некоторые эфирные пространства, Кирпичников опускал в них какое-либо обыкновенное тело (например, самопис Ваттермана), и это тело за трое суток увеличивалось в два раза по своему объему.

В веществе самописа происходил следующий процесс: живые электроны, существующие в веществе самописа, получали усиленное питание за счет окружающих трупов электронов и быстро размножались, увеличиваясь также в своем объеме. Это вызывало рост всего вещества самописа. По мере поглощения эфира живыми электронами рост и размножение их прекращались.

Кирпичниковым на основании своих работ установлено, что в массиве солнца зарождаются в невероятных количествах исключительно живые электроны; но именно средоточие их гигантского количества в относительно тесном месте вызывает такую страшную борьбу между ними за источники питания, что почти все электроны погибают нацело. Борьба электронов за питание обуславливает высокую пульсацию солнца. Физическая энергия солнца имеет, так сказать, социальную причину — взаимную конкуренцию электронов. Электроны в солнечном массиве живут всего несколько миллионных долей секунды, будучи истребляемы более сильными противниками, которые, в свою очередь, погибают под ударами еще более мощных конкурентов и т. д. Еле успев пожрать труп врага, электрон уже гибнет — и очередной победитель поедает его вместе с неперевавленными клочьями тела ранее убитого электрона.

Движения электронов в солнце настолько стремительны, что огромное количество их вытесняется за пределы солнца и улетает в мировое пространство со скоростью трехсот тысяч километров в секунду, произ-

водя эффект светового луча. Но на солнце идет настолько грозная и опустошительная борьба, что все электроны, покинувшие солнце, бывают мертвы и летят за счет либо инерции движения, когда они были живы, либо от удара противника.

Однако Кирпичников убежден, что бывают редчайшие исключения — раз в зоне времен, — когда электрон может живым оторваться от солнца. Тогда, имея вокруг себя эфир — обильную питательную среду, — он служит отцом новой планеты. В дальнейшем инж. Кирпичников предполагает производить эфир в больших количествах, преимущественно из высоких слоев атмосферы, пограничных с эфиром. Электроны там менее активны, и на истребление их потребуется меньше энергии.

Кирпичников заканчивает свой новый метод искусственного производства эфира; новый способ заключается в электромагнитном русле, где действует высокая частота для умерщвления электронов. Электромагнитное высокочастотное русло направляется от земли к небу, и в нем, как в трубе, образуется поток мертвых электронов, подгоняемый давлением солнечного света к земной поверхности. У земной поверхности эфир собирается, аккумулируется в особые сосуды и затем идет на питание тех веществ, объем которых желают увеличить.

Инж. Кирпичников произвел и обратные опыты. Действуя высокочастотным полем на какой-либо предмет, он достигал как бы угасания предмета и полного его исчезновения. Очевидно, убивая электроны в веществе предмета, Кирпичников уничтожал самую сокровенную природу вещества, ибо только живой электрон — частица материи, мертвый же принадлежит эфиру. Несколько предметов таким способом Кирпичников начисто превратил в эфир, в том числе и самопис Ваттермана, который он сначала «откормил».

Совокупность всех работ Кирпичникова указывает, какую титаническую силу созидания и истребления получило человечество в его изобретении.

По мнению Кирпичникова, благодаря постоянному снабжению земного шара эфиром, текущим из солнца, земля в целом постоянно увеличивается в своих размерах и в удельном весе своего вещества. Это обеспечивает прогресс человечества и подводит физический базис под исторический оптимизм.

Кирпичников говорит, что он в своем изобретении всецело скопировал деятельность солнца по отношению к земле и лишь ускорил его работу.

В связи с этими поражающими открытиями невольно приходит на память имя Ф. К. Попова, оставившего нам свой изумительный труд и, наконец, отца изобретателя, странно и трагически погибшего инженера Михаила Кирпичникова.

Там, где стоял когда-то Центральный Дом Крестьянина, что на Большом Златоустинском переулке, теперь вознесен высокий веселый дом — коричневый, с куполообразной крышей из стекла, строгого и напряженного стиля.

В этом доме живут разнообразные люди, в том числе и Егор Кирпичников со своей родной матерью и братом. Кирпичников закреплял свою победу, проводя месяцы в тревожном труде. Эфирный тракт все более четко, все более просто устраивался под его руками на лентах ватмана. Из древней полусуществующей аюнитской мечты, из губительной надежды его отца — тракт становился мощным приводом вселенной, зацепленным за землю, обещающим завращать ее жизнь с космической скоростью.

Как музыка, лилась работа у Кирпичникова, как любовь, он ощущал в себе страсть к неуловимому нежному телу — эфиру. Когда он писал пояснительную записку «О возможности и нормах дополнительного питания электронов», то чувствовал аппетит, и его полные юношеские губы бессознательно смачивались слюной.

Корреспондентов газет он не принимал, обещая скоро выпустить небольшой труд информационного характера и публично продемонстрировать свои опыты.

Однажды Егор Кирпичников заснул у стола, но сразу проснулся. Была ночь — глубокая и неизвестная, как все ночи над живой землей. Тот напряженный и тревожный час, когда по стихам забытого поэта:

И по хребту электроволн
Плывущее внимание,
Как ночь в бульварном, мировом
Таинственном романе.

В это время, когда человеку надо либо творчество, либо зачатые новой жизни, в дверь Егора постучали. Значит, пришел кто-то близкий или важный, кого впустила даже мать Егора, жестоко хранившая рабочий и трудный покой своего сына.

— Да! — сказал Егор и полуобернулся.

Вошла редкая гостья — Валентина Крохова, дочь инженера Крохова, друга и сотрудника отца Егора по работе в тундре на вертикальном туннеле. Валентине было двадцать лет — возраст, когда выносятся решение: что же делать — полюбить ли одного человека или любовную силу обратить в страсть познания мира? Или, если жизнь в тебе так обильна, объять то и другое?

Нам это не понятно, но тогда будет так. Наука стала жизненной физиологической страстью, такой же неизбежной у человека, как пол.

И эта раздвоенность неясного решения была выражена на лице Валентины Кроховой. Ищущая юность, жадные глаза, эластичная душа, не нашедшая центра своего тяготения и заключенная в оболочку пульсирующих мышц и бьющейся крови, — вот красота Валентины Кроховой. Нерешенность, бродяжничество мысли и неверные черты доверчивого лица — удивительная красота молодости человека.

— Ну, что скажешь мне, Валя? — спросил Егор.

— Да так кое-что! Ты все занят ведь? — ответила Валентина.

— Нет, не особенно: и занят, и нет! Живу как в бреду; сам еще не знаю, что у меня выйдет!

— Да уж вышло, Егор! Будет тебе скромничать!

— Не совсем, Валя, не совсем! Я открыл еще нечто такое, что сердце останавливается...

— Что это такое? Про эфирный тракт все?

— Нет, это другое совсем. Эфирный тракт — пустяки!.. Как вселенная, Валя, родилась и рождается, как вещество начинает дышать в недрах хаоса, свободы и узкой неизбежности мира! Вот, Валя, где хорошо! Но я только чувствую, а ничего не знаю... Ну, ладно! А где твой отец?

— Отец на Камчатке...

— Что, все эту несчастную планетку бурят? Черт, даже мне она надоела! Сколько лет ведь прошло, как она села с неба, еще отец был жив!..

— Да, все бурят, Егорушка!

— Ну а что они там находят — отец не пишет?

— Пишет, что находят сплавы разных металлов, но все эти металлы известны людям.

— Так, а еще что пишет?

— Еще пишет, что нашли какой-то круглый предмет...

— Ну, какой? Говори скорее!..

— И этот шар ничему не поддается — никакая механическая обработка его не берет, и ни на какой химический реактив он не отвечает. Полный нейтралитет!

— Ого! Ведь ты химик, Валя, что это, как ты думаешь?

— Ну куда мне, Егор, что ты? Я тебя хотела спросить.

— А черт его знает, что это такое! Мало ли чего нет в этой пучине, откуда к нам свет идет и метеоры летят!

— А когда, Егор, ты покажешь свой эфирный тракт?

— Да вот как-нибудь покажу. Сначала книжку напишу.

— Кому ты ее посвятишь?

— Отцу, конечно, — инженеру Михаилу Кирпичникову, страннику и электротехнику.

— Это очень хорошо, Егор! Чудесно, как в сказке, — страннику и электротехнику!

— Да, Валя. Я забыл лицо отца, помню, что он был молчаливый и рано вставал. Как странно он умер, ведь он почти открыл эфирный тракт!

— Да, Егор! И мать твоя старушкой стала!.. Может, ты проводишь меня немного? А то поздно, а ночь хороша — я нарочно тихонько шла сюда.

— Провожу, Валя. Только недалеко, я хочу выспаться. Надо через два дня книжку в печать отдавать, а я только половину написал — не люблю писать, люблю что-нибудь существенное делать...

Они вышли в вестибюль, спустились на лифте и очутились на воздухе, в котором бродили усталые ночные течения.

Тихо двигалась по небу луна. Быть может, там сейчас лежало оледенелое тело инженера Крейцкопфа, навеки одинокое.

Егор и Валя шли под руку. В голове Егора струились неясные мысли, угасая, как ветры в диком и темном поле, загораясь от контакта с милой девушкой, такой человеческой и женственной. Но Кирпичников изобретал не одной головой,

а также сердцем и кровью, поэтому Валентина в нем возбуждала только легкое чувство тоски. Силы его сердца были мобилизованы на другое.

Москва засыпала. Невнятно и смутно шумели какие-то далекие машины. Бессонно стояла луна, маня человека к полету, странствию и глубокому вздоху в межпланетной бездне.

Егор пожал руку Вале, хотел ей что-то сказать — какое-то медленное и девственное слово, которое каждый человек говорит по разу в жизни, но ничего не сказал и молча пошел домой.

Мать его спала, и чертежный стол томился по нем.

Сняв башмаки и потушив свет, Егор вдруг вспомнил про находку Крохова на камчатском болиде — молчаливый шар, который нельзя ни разрубить, ни разжесть кислотами.

— Спрессованный эфир! — вслух сказал Егор. — Трупы электронов, втиснутые один в другой! Да — их действительно ничем не возьмешь — смерть примитивная и абсолютная!

Егор укрылся одеялом и уже сквозь сон подумал: «А что спрессовало эфир?» — и заснул.

Во сне он увидел огромную роскошную книгу, а себя — семилетним мальчиком. В книге он прочел середину страницы:

Жизнь — порочный факт, каждое существо норовит сделать такое, чего никогда не было и не будет, поэтому многие явления живой природы необъяснимы и не имеют подобия во вселенной. Так умирающий электрон, ища в эфире труп своей невесты, может стянуть к себе весь космос, сплотить его в камень чудовищного удельного веса, а сам погибнет в его каменном центре от отчаяния, масштаб которого подобен расстоянию от Земли до Млечного Пути. Пусть тогда догадается ученый о тайне небесного мертвого камня!.. Пусть родится мозг, могущий вместить чудовищную сложность и страшную порочную красоту вселенной!

Проснувшись, Егор забыл свой сон навсегда, на всю жизнь.

* * *

Двадцатого марта не так велики дни и кратки ночи, чтобы утренняя заря загорелась в час пополуночи. Так еще не бывало никогда, даже старики не помнят.

А однажды случилось так. Московские люди расходились по домам — кто из театра, кто с ночной работы на заводе, кто просто с затянувшейся беседы у друга.

В этот вечер в Большом зале филармонии был концерт знаменитого пианиста Шахтмайера, родом из Вены. Его глубокая подводная музыка, полная того величественного и странного чувства, которое нельзя назвать ни скорбью, ни экстазом, — потрясла его слушателей. Молчаливо расходились люди из филармонии, ужасаясь и радуясь новым и неизвестным недрам и высотам жизни, о которых рассказал Шахтмайер стихийным языком музыки.

В Политехническом музее в половине первого кончился доклад Макса Валира, возвратившегося с полдороги на Луну. В ракете его конструкции обнаружился просчет; кроме того, среда между Землей и Луной оказалась совсем иной, чем о ней предполагали с Земли, поэтому Валир вернулся обратно. Аудитория была взволнована до крайней степени докладом Валира и, заряженная волей и энтузиазмом великой попытки, со страшным шумом, лавой растекалась по Москве. В этом отношении слушатели Валира и Шахтмайера резко отличались друг от друга.

А высоко над площадью Свердлова в этот миг засветилась синяя точка. Она в секунду удесятерилась в размерах и затем стала излучать из себя синюю спираль, тихо вращаясь и как будто разматывая клубок синего вязкого потока. Один луч медленно влекся к земле, и было видно его содрогающееся движение, как будто он встречал упорные встречные силы и, пронзая их, тормозил свой путь. Наконец столб синего немерцающего мертвого огня установился между землей и бесконечностью, а синяя заря охватила все небо. И сразу ужаснуло всех, что исчезли все тени: все предметы поверхности земли были окунуты в какую-то немую, но все пронзающую влагу — и не было ни от чего теней.

В первый раз с постройки города в Москве замолчали: кто говорил, тот оборвал свое слово, кто молчал, тот ничего не восклицал. Всякое движение остановилось; кто ехал, тот забыл продолжать путь, кто стоял на месте, тот не вспомнил о цели, куда его влекло.

Тишина и синее мудрое сияние стояли одни над землею, обнявшись.

И было так безмолвно, что, казалось, звучала эта странная заря — монотонно и ласково, как пели сверчки в нашем детстве.

В весеннем воздухе каждый голос звонок и молод — пронзительно и удивленно крикнул женский голос под колоннами Большого театра: чья-то душа не выдержала напряжения и сделала резкое движение, чтобы укрыться от этого очарования.

И сразу тронулась вся ночная Москва: шоферы нажали кнопки стартеров, пешеходы сделали по первому шагу, говорившие закричали, спящие проснулись и бросились на улицу, каждый взор обратился навзничь к небу, каждый мозг забился от возбуждения.

Но синяя заря начала угасать. Темнота заливала горизонты, спираль свертывалась, забираясь в глубину Млечного Пути, затем осталась яркая вращающаяся звезда, но и она таяла на живых глазах — и все исчезло, как беспмятное сновидение. Но каждый глаз, глядевший на небо, еще долго видел там синюю кружащуюся звезду, — а ее уже не было, и по небу шел обычный звездный поток.

И всем стало отчего-то скучно, хотя никто почти не знал, в чем дело.

* * *

Утром в «Известиях» было помещено интервью с инженером Кирпичниковым.

Объяснение ночной зари над миром.

С большим трудом наш корреспондент проник в Микробиологическую лабораторию имени проф. Маранда. Это произошло в четыре часа ночи, непосредственно после оптического явления в эфире. В лаборатории корреспондент застал спящего Г. М. Кирпичникова — известного инженера, конструктора приборов для размножения материи, открывшего так называемый «эфирный тракт». У Г. М. Кирпичникова было до крайней степени изможденное лицо и следы слез на щеках.

(Возможно, это преувеличение нашего сотрудника или излишний образ от общего нервного напряжения, имевшего место в истекшую ночь. — *Примеч. редакции.*)

Наш корреспондент не осмелился будить усталого изобретателя, однако обстановка лаборатории позволила увидеть все результаты ночного эксперимента.

Кроме приборов, необходимых для производства эфирного тракта и аккумуляции мертвых электронов, на столе изобретателя лежала старая, желтая рукопись. На открытой странице ее было написано: «Дело техников теперь разводит железо, золото и уголь, как скотоводы разводят свиней». Кому принадлежат эти слова, корреспондентом пока не установлено.

Половину экспериментальной залы занимало блестящее тело. По рассмотрении это оказалось железом. Форма железного тела — почти правильный куб, размером 10 x 10 x 10 метров. Непонятно, каким образом такое тело могло попасть в залу, так как существующие в ней окна и двери позволяют внести тело размером не больше половины указанных. Остается одно предположение — железо в залу ниоткуда не вносилось, а выращено в самой зале. Эта достоверность подтверждена журналом экспериментов, лежавшим на том же столе, где и рукопись. Рукою Г. М. Кирпичникова там записаны размеры подопытного тела: «Мягкое железо, размером 10 x 10 x 10 сантиметров — 1 ч. 25 мин., оптимальный вольтаж». Дальнейших записей в журнале не имеется. Таким образом, в течение 2—3 часов железо в объеме увеличилось в 100 раз. Такова сила эфирного питания электронов.

В зале стоял какой-то ровный и постоянный шум, на который наш корреспондент вначале не обратил внимания. Осветив залу, наш сотрудник обнаружил некое чудовище, сидящее на полу близ железной массы. Рядом с неизвестным существом лежали сложные части разрушенного прибора, как бы пережатые вольтовой дугой. Животное издавало ровный стон. Корреспондент его сфотографировал (см. ниже). Наибольшая высота животного — метр. Наибольшая ширина — около половины метра. Цвет его тела — красно-желтый. Общая форма — овал. Органов зрения и слуха — не обнаружено. Кверху поднята огромная пасть с черными зубами, длиною каждый по 5—4 сантиметра. Имеются четыре короткие (1/4 метра) мощные лапы с налившимися мускулами; в обхвате лапа имеет не менее полуметра; кончается лапа одним могущественным пальцем, в форме эластичного сверкающего копыя. Животное стоит на толстом сильном хвосте, конец которого шевелится, сверкая тремя зубьями. Зубы в отверзтой пасти имеют нарезку и вращаются в своих гнездах. Это странное и ужасное существо очень прочно сложено и производит впечатление живого куска металла.

Шум в лаборатории производил гул этого гада: вероятно, животное голодно. Это, несомненно, искусственно откормленный и выращенный Кирпичниковым электрон.

В заключение редакция поздравляет читателей и страну с новой победой научного гения и радуется, что эта победа выпала на долю молодого советского инженера.

Искусственное выращивание железа и вообще размножение вещества даст Советскому Союзу такие экономические и военные преимущества перед остальной, капиталистической частью мира, что если бы капитализм имел чувство эпохи и разум истории, он бы сдался социализму теперь же и без всяких условий. Но, к сожалению, империализм никогда не обладал такими ценными качествами.

Реввоенсоветом и ВСНХ Союза уже приняты соответствующие меры для обеспечения монопольного пользования государством изобретениями Г. М. Кирпичникова.

Г. М. Кирпичников — член партии и Исполбюро КИМа, и от него еще несколько месяцев назад правительством получено согласие на передачу всех своих открытий и конструкций в пользу государства, и притом безвозмездно. Правительство, конечно, целиком и полностью обеспечит Г. М. Кирпичникову возможность дальнейшей работы.

Сегодня в 1 час дня Г. М. Кирпичников будет иметь свидание с предсовнаркома Союза т. Чаплиным.

Вся Москва — этот новый Париж социалистического мира — пришла в исступление от такой заметки. Живой, страстный, общественный город весь очутился на улицах, в клубах, на лекциях — везде, где пахло хотя бы маленькими новыми сведениями о работах Кирпичникова.

День родился солнечным, снег подтаивал, и невероятная надежда разрасталась в человеческой груди. По мере движения солнца к полуденному зениту все яснее в мозгу человека освещалось будущее, как радуга, как завоевание вселенной и как синяя бездна великой души, обнявшей стихию мира, как невесту.

Люди не находили слов от радости технической победы, и каждый в этот день был благороден.

Что может быть счастливее и тревожнее того дня, который служит кануном технической революции и неслыханного обогащения общества?

В «Вечерней Москве» появилось описание рабочего собрания завода «Генератор», где Егор Кирпичников отбыл свою двухлетнюю студенческую практику.

На собрание прибыли предсовнаркома Чаплин и Кирпичников. Их встретили восемь тысяч мастеровых и специалистов, стоя на ногах.

Кирпичников сделал доклад об открытии эфирного тракта и его промышленной эксплуатации в ближайшем будущем. Он начал с работ аюнитов в этом направлении, подробно остановился на трудах Ф. К. Попова, которого и следует считать изобретателем эфирного тракта, затем изложил историю поисков своего отца и закончил кратким указанием на свою работу, завершающую труд всех предшественников.

Тов. Чаплин доложил о том, что намерено сделать правительство, чтобы изобретение Кирпичникова принесло наибольшую пользу обществу.

Мастеровые подняли на руки Кирпичникова и Чаплина и пронесли их между моторами и станками до автомобилей.

Чаплин поехал в Кремль, а Кирпичников — к матери на Большой Златоустинский.

* * *

Как в старину, женщины теперь носили накидки и длинные платья, закрывающие ноги и плечи. Любовь была редким чувством, но считалась признаком высокого интеллекта.

Девственность женщин и мужчин стала социальной моралью, и литература того времени создала образцы нового человека, которому незнаком брак, но присуще высшее напряжение любви, утоляемое, однако, не сожителем, а либо научным творчеством, либо социальным зодчеством.

Времена полового порока угасли в круге человечества, занятого устройством общества и природы.

Наступило новое лето. Егор Кирпичников устал от эфирного тракта и беспомощно затосковал по далеким и смутным явлениям, как это с ним бывало не раз.

Он снова убивал дни, скитаясь и наслаждаясь одиночеством — то в Останкино, то в Серебряном бору, то уезжая на Ладожское озеро, которое он так любил.

— Тебе, Егор, влюбиться надо! — говорили ему друзья. — Эх, напустить бы на тебя хорошую русскую девушку, у которой коса травую пахнет!..

— Оставьте, — отвечал Егор. — Я сам себя не знаю куда деть! Знаете, я никак не могу устать — работаю до утра, а слышу, что мозг скрежещет и спать не хочет!

— А ты женись! — советовали все-таки ему.

— Нет, когда полюблю прочно, в первый раз и на всю жизнь, тогда...

— Что тогда?

— Тогда... уйду странствовать и думать о любимой.

— Станный ты человек, Егор! От тебя каким-то старьем и романтизмом пахнет... Инженер, коммунист, а мечтает!..

В мае был день рождения Валентины Кроховой. Валентина весь день читала Пушкина и плакала: ей сровнялось двадцать лет. Вечером она надела серое платье, поцеловала перстень на пальце — подарок отца — и стал ждать Егора с матерью и еще двух подруг. Она убрала стол, в комнате пахло жимолостью, полем и чистым телом человека.

Огромное окно было распахнуто, но видно в него одно небо и шевелящийся воздух на страшной высоте.

Пробило семь часов. Валентина села за рояль и сыграла несколько этюдов Шахтмайера и Метнера. Она не могла отделаться от своей сердечной тревоги и не знала, что ей делать — расплакаться или сжать зубы и не надеяться.

Весенняя природа волновалась страстью размножения и жаждала забвения жизни в любви. И в круг этих простых сил была включена Валентина Крохова и не могла от них отбиться. Ни разум, ни чужое страдание в поэмах и в музыке — ничто не помогло горю ее молодости. Ей нужен был поцелуй, а не философия и даже не красота. Она привыкла честно мыслить и понимала это.

В восемь часов к ней постучали. Принесли телеграмму от Егора. В ней стояли странные, шуточные и жестокие слова, и притом в стихах, к которым Егор питал влечение с детства:

Дарю тебе луну на небе
И всю живую траву на земле, —
Я одинок и очень беден,
Но для тебя — мне нечего жалеть.

Валентина не поняла, но к ней вошли веселые подруги.

В одиннадцать часов Валентина выпроводила подруг и пошла к Егору, зажженная темным отчаянием.

Ее встретила Мария Александровна. Егора дома не было, уже вторые сутки. Валентина посмотрела на бланк телеграммы: она была подана из Петрозаводска.

— А я думала, он у вас будет сегодня вечером! — сказала Мария Александровна.

— Нет, его у меня не было!

И обе женщины молча сели, ревнуя друг к другу утраченного и томясь одинаковым горем.

* * *

В августе Мария Александровна получила письмо от Егора из Токио.

Мама. Я счастлив и кое-что постиг. Конец моей работы близок. Только бродя по земле, под разными лучами солнца и над разными недрами, я способен думать. Я теперь понял отца. Нужны внешние силы для возбуждения мыслей. Эти силы рассеяны по земным дорогам, их надо искать и под них подставлять голову и тело, как под ливни. Ты знаешь, что я делаю и ищу — корень мира, почву вселенной, откуда она выросла. Из древних философских мечтаний это стало научной задачей дня. Надо же кому-нибудь это делать, и я взялся. Кроме того, ты знаешь мои живые мускулы, они требуют напряжения и усталости, иначе я бы затомился и убил себя. У отца тоже было это чувство; быть может, это болезнь, быть может, это дурная наследственность от предков — пеших бродяг и киевских богомольцев. Не ищи меня и не тоскуй, — сделаю задуманное, тогда вернусь. Я думаю о тебе, ночую в стогах сена и в куренях рыбаков. Я тоскую о тебе, но меня гонят вперед мои беспокойные ноги и моя тревожная голова. Быть может, верно, жизнь — порочный факт, и каждое дышащее существо — чудо и исключение. Тогда я удивляюсь, и мне хорошо думать о своей милой матери и неотомщенном отце.

Егор.

* * *

Тридцать первого декабря в Москве было получено известие о смерти Егора Кирпичникова в Буэнос-Айресе, в тюрьме. Он был арестован вместе с бандитами, грабившими скорые поезда. В тюрьме он заболел тропической малярией. Вся шайка была приговорена к повешению. Так как Кирпичников не мог идти на виселицу, валяясь в предсмертном бреду, то ему дали яду, и он, не помня уже ничего о жизни, скончался.

Труп его, наравне с повешенными бандитами, был брошен в илистые воды Амазонки и смыт в Тихий океан. Виселицы стояли на самом берегу Амазонки; их также после казни бросили в реку, и они поплыли, таща трупы в своих мертвых петлях.

На запросы советского правительства о такой расправе с человеком, который не мог быть преступником и попал в шайку по неизвестному случаю, бразильское правительство ответило, что оно не знало, что в его руках Кирпичников; при аресте же он отказался назвать себя, а потом заболел и ни разу не приходил в сознание во время следствия.

* * *

Мария Александровна поставила новую урну в Доме воспоминаний в Серебряном бору, рядом с урной своего мужа.

На ней значилось:

Егор Кирпичников. Погиб 29 лет. Изобретатель эфирного тракта — последователь аюнита, Ф. К. Попова и своего отца. Вечная слава и скорбная память зодчему новой природы.

КОММЕНТАРИИ

Авторы комментариев

Малыгина Н. М. — «Епифанские шлюзы», «Сокровенный человек», «Ямская слобода», «Впрок»;

Матвеева И. И. — «Эфирный тракт», «Город Градов», «Ювенильное море», «Хлеб и чтение».

Условные сокращения

Архивы

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РГАЭ — Российский государственный архив экономики (Москва)

СА — Семейный архив (Москва)

Печатные источники

Воспоминания — Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994.

ЕШ — Платонов А. Епифанские шлюзы. М., 1927.

Живя главной жизнью — ...Живя главной жизнью (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках) // Волга. 1975. № 9.

Ласунский — Ласунский О. Житель родного города. Воронеж, 1999.

Вор. ком. — Воронежская коммуна.

Стенограмма — Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова // Памир. 1989. № 6. С. 98—114. Публикация Е. Литвин.

Страна философов, 1994, 1995, 1999, 2000, 2003, 2005 — «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 1—6. М., 1994—2005.

Корниенко 1993 — Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926—1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1.

Лангерак — Лангерак Томас. Андрей Платонов. Материалы для биографии. 1899—1929. Амстердам, 1995.

Лангерак. Комментарии — Лангерак Т. Комментарии к сборнику «Епифанские шлюзы» // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994.

Никонова — Никонова Т. А. Комментарии к повести А. Платонова «Епифанские шлюзы» // Творчество А. Платонова. Воронеж, 1970. С. 204—210.

Документы ОГПУ — Андрей Платонов в документах ОГПУ—НКВД—НКГБ 1930—1945 / Публикация В. Гончарова и В. Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М., 2000.

Этот том собрания сочинений А. Платонова включает повести второй половины 1920-х — начала 1930-х годов.

«Эфирный тракт» (с. 8)

Повесть печатается по машинописи, сохранившейся в семейном архиве Платоновых. При жизни автора не публиковалась. Впервые в купированном виде опубликована издательством «Молодая гвардия» в сборнике фантастики («Фантастика—1967». М., 1968).

Датируется 7.11.1926—2.01.1927.

Первоначальные названия повести — «Медом по яду», «Неповторимое счастье», «Цветущее сердце (Повесть о мужественной жизни)» (См.: Корниенко 1993).

Работа над повестью была начата в Москве и закончена в Тамбове в начале 1927 г.

«Эфирный тракт» завершает цикл научно-фантастических произведений, созданных Платоновым в период с 1921 по 1927 год. Это рассказы «Маркун» (1921), «Лунные изыскания» (1926), «Сатана мысли» (1922), «Потомки солнца» (1922), набросок очерка «Питомник нового человека» (Корниенко 1993, с. 23).

Действие повести не отодвинуто в далекое будущее, а соотнесено с 1930-ми годами, что свидетельствует об искренней вере Платонова в безграничные возможности современников. В «Эфирном тракте» созданы образы гениальных ученых, способных силой разума вызвать дождь и напоить иссушенную почву, овладеть эфиром, покорить космос. Возможный прообраз этих героев — современник Платонова, американский ученый Никола Тесла (1856—1943), изобретатель беспроводной передачи энергии, двигателя на солнечной энергии, разработчик принципов дистанционного управления. Так, Матиссен, вслед за Н. Теслой, изобретает приемник-резонатор, усиливающий сигналы головного мозга, и напра-

вляет их на объект, заставляя его работать в нужном для себя режиме.

Однако, охлаждая восторг перед гением человека-творца, Платонов ввел в произведение и вектор с противоположным знаком. Повесть создавалась под влиянием книги немецкого философа О. Шпенглера «Закат Европы» (1918—1922), в которой автор противопоставил цивилизацию и культуру. Шпенглер высказал суждение о цикличности жизни народов, населяющих Землю. От рождения до смерти нации проходит, по мнению ученого, около 1000 лет. Умирая, культура перерождается в свою противоположность — цивилизацию, в которой господствует голый техницизм, а на смену творчеству и развитию приходят бесплодие и окостенение.

Повесть рождалась в муках. Разум инженера и художественный талант Платонова в это время противостояли друг другу (*Лангерак*). Он завершал определенный период творческой жизни, связанный с усвоением и переплавкой многочисленных технических и философских идей века. На смену утопическим взглядам о покорении Вселенной приходило осознание сложности жизни, безнравственности экспериментов над природой и необходимости мирного существования с ней. Платонов ощущал это противоречие как физическое страдание: «Полтораста страниц насилуял я свою музу в “Эфирном тракте”» (*Живя главной жизнью*). В ходе борьбы художника и инженера победил художник, Платонов почувствовал собственную творческую удачу и испытал гордость за рожденное в муках произведение: «Пока во мне сердце, мозг и эта темная воля творчества — “муза” мне не изменит. С ней мы действительно — одно. Она — это мой пол в душе» (там же).

Желание писателя включить повесть в сборник «Епифанские шлюзы» так и не осуществилось. «Эфирный тракт» не понравился в издательстве «Молодая гвардия». На полях рукописи один из редакторов, перечеркнув часть первой главы и историю Аюны, написал: «Это сплошной бред!» (*Корниенко 1993, с. 38*). Повесть передавалась из рук в руки разным рецензентам, что очень раздражало Платонова. «Почему мою вещь «Эфирный тракт» передают 3-му рецензенту? — писал он жене в одном из писем. — Пошли их к черту! Пусть принимают или возвращают» (*Живя главной жизнью*). И все же Платонов не терял надежду на публикацию, в 1927 г. он постоянно возвращался к тексту повести: «Единственное утешение для меня — писать тебе письма и снова дорабатывать “Эфирный тракт”» (там же, с. 165).

С. 8. *В бассейнах рек Верхнего Дона, Оки, Цны и Польного Воронежа ~ овальное лицо — север и прохладное море.* — Весь отрывок представляет собой вольное переложение материала книги Ратцеля «Народоведение» (СПб, 1901. Т. 2. С. 815—818; впервые: *Корниенко 1993*, с. 42). Платонов заимствует мысль о сложном напластовании различных культур в народе, который населяет теперь территорию СССР. Повторяет он и мысль Ратцеля о спокойном и доброжелательном характере русского народа (ср.: «Благоприятная для образования политических масс способность монголов к безмолвному повиновению и безропотной выносливости... перешла и к русским» (с. 816); «В физическом отношении они (малороссы. — *И. М.*) отличаются более высоким ростом и более тонкими чертами; они подвижнее, восприимчивее, но в то же время отличаются большей мягкостью и меньшей решительностью и предприимчивостью, чем прирожденный колонизатор великоросс» (с. 817). Характерно, что вся первая часть 1 главы не вошла ни в одно издание 60—90-х годов.

Посетивший эти посады в начале XX века германский ученый-ориенталист (востоковед) профессор Гаузер писал в отчете... — В образе профессора Гаузера Платонов вывел немецкого ученого Ф. Ратцеля, выпустившего в 1901 г. в свет книгу «Народоведение» об этносах, населяющих землю (на дату указывает точный в деталях Платонов).

С. 9. *Саман* — строительный материал; необожженный кирпич-сырец, приготовленный из глины с добавлением резаной соломы или других волокнистых материалов (костры, мякны). В прошлом был широко распространен в безлесных районах.

С. 10. *Спрохвала* — исподволь, полегоньку, не вдруг.

С. 12. *А знаешь, Фаддей Кириллович, был такой рыжий англичанин по фамилии Мальтус... ~ Так вот, Мальтус тому же самому юношей обучал, не размножайтесь, дескать, а юноши, возмужав, взяли себе прекрасных жен, родили детей и благословили жизнь и размножение, объявив войну нужде.* — Этот фрагмент не вошел ни в одно издание 1960—1990-х годов. Томас Мальтус (1766—1834) — английский экономист. В труде «Опыт о законе народонаселения» (1798) объяснял бедственное положение народа «абсолютным избытком людей». Мальтус считал, что население имеет тенденцию размножаться в геометрической прогрессии, в то время как средства существования могут увеличиваться в арифметической прогрессии.

С. 13. *Супрематия* — от слова «супрематизм» (лат. *Supremum* — наивысшее) — направление авангардизма, представленное в России творчеством К. Малевича. Программной картиной авангардизма считается «Динамический супрематизм» Малевича.

С. 14. *Этельберт Штауфер* — вымышленное имя, созданное на основе распространенной немецкой фамилии.

Националиштрассе — распространенное название улиц в городах с немецкоязычным населением.

...атом, как известно, колония электронов... <...> электроны одарены жизнью, что они движутся, живут и размножаются... — О сложной природе атома физики заговорили в конце XIX в., когда была открыта радиоактивность и обнаружен электрон (1897 г.). К 1920-м годам Э. Резерфорд предложил планетарную модель атома, согласно которой вокруг положительно заряженного ядра вращаются электроны.

...рукопись под несколько ненаучным названием «Сокрушитель адова дна». — Рукопись Попова обращает к повести Платонова «Приключения Баклажанова» (1922), вторая глава которой имеет название «Изобретатель света — разрушитель общества, сокрушитель адова дна».

С. 15. *Ржавск* — деревня в Пронском районе Рязанской области.

...когда все неопределенно и странно, как в сочельник накануне всемирной геологической катастрофы. — В 1920-е годы получила распространение теория гибели цивилизаций в результате геологической катастрофы (мифы об Атлантиде, Лемурии). Толчком к созданию теории стало открытие в 1900 г. крупного государства на берегах Эгейского моря, существовавшего в III—II тысячелетии до н. э. У Платонова реальное содержание термина «геологическая катастрофа», включающее такие явления, как извержение вулкана, цунами, землетрясение, дополняется библейским компонентом, и фраза прочитывается в контексте мифа о конце света.

«Новый Афон» — ироническое название гостиницы обращает к древнему городу в Абхазии с тем же названием, где находилась крупная православная обитель на Кавказе, названная в честь Афона — крупнейшего православного центра в Греции, расположенного на полуострове с таким же названием. Фаддей Кириллович, совершающий своеобразное паломничество ради науки, попадает в провинциальную гостиницу не случайно. Ее описание снижает образ ученого и его последующий «подвиг». Характерно,

что Афон возникает в тексте повести еще раз. Из Афона возвратился земляк Кирпичникова Феодосий, после паломничества разочаровавшийся в людях и служителях религии.

С. 17. Академик Лазарев — выдающийся советский физик, биофизик и геофизик, с 1920 г. — директор созданного по его инициативе Государственного биофизического института. Наиболее значимы его работы по исследованию Курской магнитной аномалии и связанные с этим труды в области теоретической геофизики.

С. 18. ...а что помощником будет идеолог — тем лучше, — значит, он идиот. — Данный отрывок не вошел ни в одно предыдущее издание, так как в нем присутствует жесткая ирония по поводу малограмотности ответственных партийных работников.

Так, в глубине равнинной глухой страны, где жили пахари — потомки смелых бродяг земного шара... — Отрывок отсылает к теории великого переселения народов в начале I тыс. н. э. Во II—III вв. через Русскую равнину с севера на юг — из Прибалтики и Дании в Крым, на Балканы и оттуда в Южную Азию — двинулись германские племена. Это было время массовых миграций в Евразии племен гуннов, германцев, сарматов, славян, алан и др. Термин «Великое переселение народов» подчеркивает масштаб миграционных процессов и их роль в изменении этнической карты Европы и Азии. История многих современных народов берет начало в этой эпохе.

С. 19. Из всего сказанного о природе эфира следует сделать неизбежные выводы ~ эфир (то, что я назвал выше «генеральным телом») есть кладбище электронов. — Несмотря на создание Эйнштейном теории относительности (1916), объяснившей все известные природные явления, в 1920-е годы сохранялось представление об эфире — особой всепроникающей среде, колебаниями которой являются электромагнитные волны. Сам Эйнштейн в 1920 г. заявил, что изгнание эфира из физики преждевременно, что он может вернуться на новом уровне понимания. Приверженцем эфирной теории был К. Циолковский, с трудами которого был знаком Платонов.

Электрон <...> биологический феномен — Платонова волновала носившаяся в воздухе идея сравнения элементарных частиц с живыми существами. Ч. Дарвин в 1919 г. в неопубликованной, хранящейся в Библиотеке Американского философского общества статье «Критика основ физики» высказал предположение о наличии у электрона свободы воли: «Может случиться, что потребуются фундаментально изменить наши представления о времени и пространстве

<...> либо даже в качестве последней возможности приписать электрону свободу воли» (цит. по: *Джеммер М.* Эволюция понятий квантовой механики. М., 1985, с. 173). К. Циолковский в 1925 г. писал об атоме как живой и господствующей субстанции, обладающей «чувствительностью» или способностью «ощущать приятное и неприятное». Платонов, вслед за сторонниками идеи «живой материи», пошел дальше, объявив электрон биологическим существом.

Несовпадение длительности жизни электрона и человека делает необычайно трудным наблюдение за жизнью этих, пользуясь вашей терминологией, альфа-существ. ~ Это обстоятельство делает природу в глазах человека мертвой. — Пассаж представляет фантастический проект Платонова, пытавшегося с помощью вымышленных «элементарных частиц» объяснить суть мироздания и возможный способ влияния человека на природу. *Альфа-существа* — Платонов-фантаст переосмысливает открытые в начале XX в. альфа-частицы, наделяет их качествами живой материи.

С. 21. Кирпичников вынул из сундучка свой старый дневник — самодельно сшитую тетрадь, открыл и вчитался ~ и душу держит на нуле. — Кирпичников — автобиографический персонаж. У Платонова тоже была кожаная тетрадь, куда он заносил свои впечатления: «...В эту тетрадь я неукоснительно вношу и наклеиваю все меня заинтересовавшее, все, что может послужить полуфабрикатом для литературных работ...» (*Фабрика литературы*). Совпадают и детали быта семьи Климентовых, где дети спали на полу. В ранних публицистических статьях Платонова звучит мысль о необходимости отдать все силы ради будущего прогресса («Культура пролетариата», 1920; «Борьба мозгов», 1920; «Над мертвой бездной», 1921; «О культуре запряженного света...», 1922 и др.).

С. 26. Михаил Еремеевич Кирпичников — инженер-электрик ~ Его жена — бывшая сельская учительница. — Отрывок отсылает к биографии самого Платонова, по профессии инженера-электрика и мелиоратора. Его жена в прошлом была учительницей в селе Волошино. Героиня носит имя жены писателя — Мария.

С. 27. Целью сооружения была добыча внутренней тепловой энергии земли. — Фантастический проект Платонова, опирающийся на некоторые идеи века, обсуждавшиеся в советских научно-популярных журналах. Большинство ученых считало подобные разработки преждевременными. Так, Я. Перельман в статье «Утилизация подземного жара» доказал с помощью математических

расчетов, что использование тепла недр нерентабельно (Красная панорама. 1926. № 37. С. 15).

С. 27. Термический вертикальный туннель был опытной работой советского правительства Якутии. ~ продвигать культуру, промышленность и население к Ледовитому океану. — Фантастический проект Платонова, опиравшегося при его создании на небывалый подъем бурения в СССР. Так, в 1922 г. М. А. Капелюшниковым изобретен гидравлический двигатель для бурения глубоких скважин, в 1925 г. М. Скворцов изобрел приспособление для автоматической подачи бурового инструмента. Это дало возможность перейти к постройке сверхглубоких скважин, извлечению нефти, газа с большой глубины. Но если практическая инженерная мысль шла в направлении освоения природных богатств (нефти, газа, солевых растворов), то мысль Платонова-фантаста идет дальше — к освоению тепловой энергии Земли.

С. 28. Но главная причина туннельных работ была в том, что в равнинах тундры были изысканы остатки неведомых великолепных стран и культур. — В 1926 г. в журналах постоянно публиковались статьи о новых археологических находках. Например, в Устюженском уезде на реке Омке были найдены останки древних поселений людей, сообщалось о находке гробницы Мехенкветра, жившего за 2000 лет до н. э. (Новые раскопки в Египте // Наука и техника. 1926. № 2), о находке древнего города на берегу Днепровско-Бугского лимана, существовавшего в IV—II тысячелетии до н. э. (Раскопки древнегреческого города Ольвии // Красная панорама. 1926. № 42).

С. 29. Радиевый Монблан — метафора, в которой Платонов соединил самый высокий в Западной Европе горный массив на границе Франции и Италии и величайшее открытие конца XIX в. — радиоактивность, обозначив таким образом огромное значение изобретений в области ядерной физики.

С. 30. Центральный Совет Труда — Совет труда и обороны (СТО) — орган Совета народных комиссаров РСФСР, направлявший деятельность всех ведомств в области обороны страны. Форму отчета Платонов не выдумал. Как инженер-мелиоратор он не раз писал подобные рапорты во время работы в Воронеже, а затем в Тамбове.

Тао-Лунь — вымышленное название.

С. 31. Терроизолит — выдуманное автором вещество с большим электрическим сопротивлением, предотвращающее контакт земли с электрическими приборами.

С. 34. Машина «Алгонда-09» работала бесшумно: бензиновый мотор погиб пять лет назад, сокрушенный кристаллическим аккумулятором ленинградского академика Иоффе. Автомобиль шел на электрической аккумуляторной тяге... — Фантастический электромобиль не был выдумкой Платонова. Автомобиль с электродвигателем, получающим питание от аккумуляторов, использовался в начале XX в. в Западной Европе и США в качестве такси, коммунальных машин, а также как легковой автомобиль. Первый самодвижущийся экипаж в России тоже был аккумуляторным. Однако из-за низких скоростей и большой массы электромобиль уступил место автомобилю с двигателем внутреннего сгорания.

С. 37. Но все же мысли, скажем, «окаянная сила» (помнишь этот дореволюционный термин?). — Имеется в виду некая сверхъестественная сила, помогающая магу воздействовать на предметы и сознание человека. Считалось, что окаянная сила присутствует в заговорах, приворотах, ворожбе и прочем колдовстве. Большевистская пропаганда активно боролась с проявлениями религиозности, суевериями, поэтому Платонов из осторожности соотнес «опасный» термин с дореволюционным прошлым.

С. 39. Большеозерская тундра — вымышленное название, образованное по аналогии с Большеземельской тундрой, примыкающей к южному побережью Баренцева моря, между рек Печора и Уса, и славящейся обилием озер.

С. 40. Эти знаки были не буквами, а некоторой символикой, однако с очень точным соответствием каждому символу отдельного понятия. — У Ратцеля есть образцы клинописи айносов (Ратцель. Указ. соч., с. 36).

С. 41. «Песни Аюны» — идею произведения, дошедшего из глубины веков, Платонов мог почерпнуть из книги Ратцеля, где речь идет о некоей древней книге индейцев «Песнь Вабио», добытой в результате раскопок (Ратцель. Т. 1, с. 37). В целом «Песни Аюны» представляют собой размышления Платонова об идее книги О. Шпенглера «Закат Европы».

С. 42. Зун-Зойга — имеется в виду философ О. Шпенглер, автор книги «Закат Европы».

С. 47. Фейссуловская атлантическая верфь — выдуманное Платоновым название.

...компрессорно-волновое судно <...> судно идет за счет силы волн самого океана! — Фантастический проект Платонова.

С. 52. ...восемнадцать лет пропадавшим где-то в поисках праведной земли... — В представлении народа «праведная земля» — царство добра и справедливости, место, где вера чиста и все люди — братья, где народ искупил грехи страданием и пребывает в вечной радости. Таковы легенды о невидимом Граде Китеже, Беловодье и др.

С. 53. Феодосий, наверное, тогда женится, купит сто пудов бензину и поедет в Месопотамию смотреть остатки обители умершего бога. — В 1922 г. английский археолог Леонард Вулли обнаружил древний город Ур в Месопотамии, существовавший в V—III тысячелетиях до н. э. В Уре был обычаем отмечать окончание лунного года, которое связывалось со смертью тельца, бога Луны Сина.

С. 56. Вакуум-пылиторы — пылесосы. Промышленное производство пылесосов началось в Америке с 1908 г., когда была организована компания Hoover. 1920-е годы прошли под девизом «Пылесос — в каждый дом». Новинки распространились в Швеции, затем по всей Европе, но в СССР о них знали понаслышке.

Элементы нашего национального рая, суть: Пища — Жилище — Влага: Глэн-Бабкок. Одежда — Красота — Мораль: Кацманзон <...> Препараты «Антисексус»: Беркман, Шотлуа и Сн.». — Автор в духе советской пропаганды иронически изображает так называемый американский образ жизни с его коммерциализацией каждого момента бытия рядового обывателя, начиная от пищи, жилища и кончая развлечениями и религией.

С. 57. Препараты «Антисексус»: Беркман, Шотлуа и Сн. — фантастический прибор для удовлетворения полового инстинкта человека. Фигурирует в рассказе 1926 г. «Антисексус» (см. т. 1. наст. изд.).

С. 60. В 11 часов 15 мин. 24/IX с/г под 35°11' сев. шир. и 62°4' вост. долготы затонули американское пассажирское судно «Калифорния» (8 485 человек, считая команду) и германское судно «Клара» (6 841 чел. с командой), шедшее на помощь первому. — В этом отрывке Платонов смешал реальные события и имена с вымышленными. В апреле 1912 г., когда в Атлантическом океане в 11 часов 40 мин. вечера затонул «Титаник», всего в тридцати милях от него находилось судно «Калифорния», которое не приняло сигналов бедствия тонущего корабля и прошло мимо. Ничего не известно о существовании немецкого судна «Клара», однако в России в 1920-е годы было несколько плавучих средств с таким названием. Это правительственный пароход «Клара Цеткин», переименованный в первые годы Советской власти из «Екатерины» в честь немецкой коммунистки

и основательницы компартии Германии. В 1925 г. на нем совершила поездку Клара Цеткин, о чем сообщала советская пресса. Еще одно плавсредство, баржа «Клара» («Клара Цеткин»), доставляло в Соловецкий лагерь грузы и заключенных.

С. 66. *Академик Ветман* — вымышленное имя.

«Беднота» — ежедневная газета, орган ЦК партии, выходившая в Москве в 1918—1931 гг. Предназначалась, в основном, для крестьян.

С. 71. «Генеральное сочинение» — название труда аюнита обращает к сборнику Платонова 1927 г. «Епифанские шлюзы», где один из разделов назывался «Из генерального сочинения». «Генеральным сочинением о земле и о душах тварей, населяющих ее» назвал свой фундаментальный труд Федор Карпович Крюйс, герой одноименного рассказа А. Платонова.

С. 76. *Андрей Возулов* — один из псевдонимов А. Платонова в ранний период творчества. Эту же фамилию носит герой фантастического рассказа Платонова «Сатана мысли» (1921).

Петер Крейцкопф, строитель первого снаряда для достижения Луны — герой фантастического рассказа А. Платонова «Лунная бомба», изобретатель и пилот первого космического корабля.

С. 79. *Красные ворота* — первая российская триумфальная арка, построенная по приказу Петра I в Москве в 1709 г. в честь победы над шведами в Северной войне.

Площадь Пяти Вокзалов — Платонов, очевидно, имел в виду Площадь трех вокзалов (Комсомольскую площадь).

Новые Сокольники — очевидно, Платонов имел в виду поселок Сокол, возводившийся согласно Генеральному плану реконструкции столицы (1925) рядом с железнодорожной станцией Серебряный Бор.

С. 80. *Газета «Интеллектуальный труженик»*. — В 1920-е годы не было газеты с таким названием, но было издание, похожее по своим задачам, — журнал «Наука и ее работники».

С. 81. *Высокочастотную машину Кирпичникова представляет само солнце, свет которого разлагается сложной системой интерферирующих поверхностей ~ нужной частотности*. — Фантастический проект Платонова, в основе которого лежит использование интерференции.

С. 82. *Эон* — (греч. αἰών — век, эпоха) — длительный отрезок времени геологической истории, равный нескольким эрам.

С. 87. *...пианист Шахтмайер родом из Вены* — выдуманное имя. *Макс Валир* — вымышленное имя.

С. 91. Завод «Генератор» — в 1926 г. не существовало завода с таким названием. В 1920-е годы мощные генераторы делались на ленинградском заводе «Электросила».

Большой Златоустинский — автобиографическая деталь: Платонов с семьей одно время проживали в доме по Большому Златоустинскому переулку.

содержание

Эфирный тракт	8
Епифанские шлюзы	95
Город Градов	128
Сокровенный человек	161
Ямская слобода	236
Впрок. Бедняцкая хроника	284
Ювенильное море. Море юности	351
Хлеб и чтение	433
Комментарии. <i>Н. Малыгина, И. Матвеева</i>	513

Литературно-художественное издание

Андрей Платонов

ЭФИРНЫЙ ТРАКТ

Повести 1920-х — начала 1930-х годов

редактор

Татьяна Тимакова

художественный редактор

Валерий Калныньш

корректор

Ирина Машковская

Подписано в печать 12.11.2010.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага писчая.

Усл. п. л. 29,4. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз.

Заказ № 856.

«Время»

115326 Москва, ул. Пятницкая, 25

Телефон (495) 951 5568

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: books@uralprint.ru